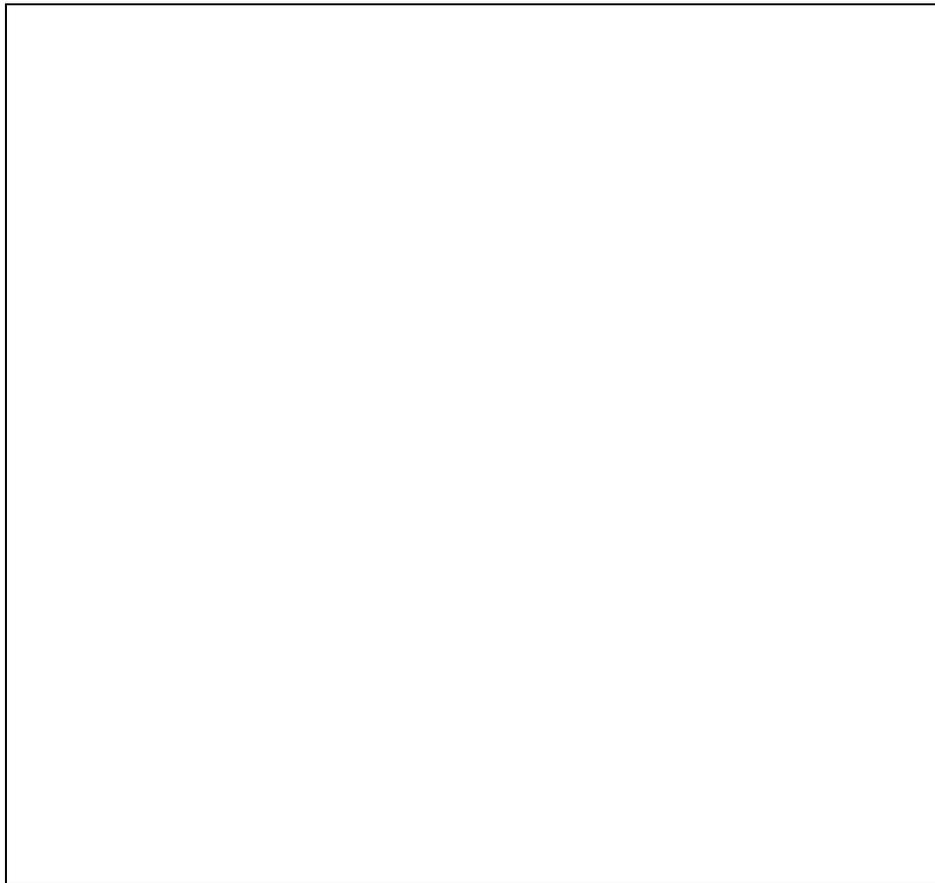

Ольга Бешенковская
Стихотворения

Zwei Sprachen
Zwei Farben

Olga Beschenkovskaya
Gedichte

Dies' Buch widme ich dem Herrn Michael Kunst, dessen Meinung über meine literarische Arbeit mir sehr teuer sei, wenn ich Deutsch wirklich beherrschen würde oder wenn er Russisch genauso erlernen könnte ... Obwohl er selbst kein Künstler und kein Wissenschaftler ist ...

Ich freue mich darüber, daß meine poetischen Zeichnungen von Frau Dagmar Dieterich mit ihrem blauen Mitgefühl und mit ihrem harten schwarzen Bleistift durchlebt wurden ...

Автор благодарит господина Андрея Столярова (Санкт-Петербург) и господина Николая Михайлова (Штутгарт) за помощь в компьютерном наборе этих метафорических метаморфоз...

Об авторе

Beschenkovskaja, Olga Jur'evna, Lyrikerin, * 17.7.1947, Leningrad.

Extern. Stud. an der Fak. für Journalistik, deren 6 jährigen Studienplan sie nach 4 Jahren 1968 abschloß. Ab 1967 arbeitet B. in einer Zeitung, bis sie 1980 auf Druck des KGB die Möglichkeit, als Journalistin tätig zu sein, verlor. Seit 1982 verdient sich B. ihren Lebensunterhalt als Heizer. B. Schreibt seit ihrem 14 Lebensjahr Gedichte - über 2 Jahrzehnte ohne Aussicht auf Publikation. Bis 1990 sind 12 Samizdat 'Bücher' Lyrik u. ein Band Prosa entstanden. Sie war Gründungsmitgl. der inoffiziellen Leningrader Vereinigung 'Klub - 81'. B. lebt in St. Petersburg. Die wenigen publizierten Gedichte der von Ju. Kolker, T. Ivanova, G. Gorbovskij u.a. geschätzten Lyrikerin veranschaulichen ein ständiges Suchen nach neuen Wortverbindungen, nach semant. u. klangl. Wirkungen des jeweiliges in ungewohntem Kontext, die das geistig gemeinte am besten treffen. Für sie 'ist das Wort an sich Gedanke, eine Schicht der Geschichte, der Ethik u. der Ästhetik ...' (Vorwort, 1987). Ihre Lyrik erzählt nicht, beschreibt selten, sie verbindet Geschehens u. Gedachtes, sie ist überaus metaphorisch. Aus ihren Gedichten spricht die Sicherheit dessen, der zum Tode nahe war, die Verzweiflung u. Einsamkeit der vom Schicksal Getretenen, die Bereitschaft des Dichters, sein Wort in den Dienst seiner Mitmenschen zu stellen, spricht ein Suchen nach einer Verbindung zwischen 'den Realitäten u. den Wunschvorstellungen', nach der höchsten Wahrheit der Seele'.

Aus dem 'Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts'.

Professor Dr. Wolfgang Kasack

Закончила журфак Ленинградского университета. Работала в газетах, пока не была выгнана за “неблагонадёжность”. Когда-то мой литературный однокашник Иосиф Курлат предупреждал об опасности обманчивой “оттепели”: “Деревья, деревья, цвести ещё рано ... “. Когда ударили заморозки, наше поколение уцелело, потому что нас подготовил к этим заморозкам генетический мороз сталинизма. Следующему поколению пришлось тяжелее, потому что, по словам одного критика, “их утро совпало с наступлением ночи”. Это литературное поколение пошло в ночные сторожа, дворники, истопники. В котельной оказалась и Ольга Бешенковская. Первая книга “Переменчивый снег” вышла лишь в 1988 году. Её стихи начали печататься в переполитизированное время перестройки, когда митинги стали популярней, чем вечера поэзии, и её сильное, оригинальное дарование не было замечено достойным образом. Сейчас живёт в Германии. На мой взгляд, одна из сильнейших русских женщин-поэтов - из тех, кому не нужно идти к Пушкину как к логопеду.

Евгений Евтушенко

Строфы века

Антология русской поэзии.

(Полифакс, Минск-Москва 1995)

От автора

Как в детстве все мы переболели корью, так в университетской юности Ницше и Фрейдом, Шопенгауером и Юнгом, Рильке и Кафкой. Их будоражающие просыпающуюся личность, заразные конструкции и концепции мира стали нашими настольными книгами ещё и потому, что, как всё живое, были запрещены. Неумолимый наш Kulturträger - самиздат вынужден был даже Гегеля с его детерминированным 'несчастливым сознанием' распространять в подслеповатой машинописи...

Позже к этому крамольному списку присоединились 'менее преступные' немецкие романтики и прощённые 'за давностью совершённого' (формулировка из Уголовного Кодекса ...) тоже почему-то весьма свободолюбивые классики...

Иногда мне даже нестерпимо хотелось засесть за немецкий, впахнуть в переполненную своими и чужими строчками голову купленный по случаю шкафоподобный словарь, а потом подхватить на промозгом ветру воспаление лёгких и долго, с медленным наслаждением, читать в постели "Житейские воззрения кота Мурра" на его, кота, и Гофмана гортанно-презрительном, как мне почему-то слышалось, языке ...

Но в сутках было только 24 часа, жизнь требовала Поступков, душа - стихов, и сбывалось из всего этого болезненно-мечтательного комплекса время от времени лишь пневмония...

И вдруг в 1992, когда, очевидно, разочаровавшийся во мне Мурр уже дремал на периферии сознания рядом с булгаковским Бегемотом, когда уже исчез (надеюсь, - ВЗ-летел) с подоконника наш домашний нахальный любимец, вернее, любимица, потому что названный в честь любимого персонажа Мурр оказался при ближайшем рассмотрении Мурой, и нарожал чертовски чёрных и платонически - от кота по имени Платон - голубых котят на целую библиотечку новых кошачьих романов, - вдруг - нежданно-негаданно - получилось!

Грустно, когда мечты осуществляются с таким опозданием... Есть в этом и привкус горечи, и унижительность компенсации. Девальвации ведь подвержены не только денежные знаки, но, увы, и Знаки Судьбы...

А если ещё ко всему этому примешивается ностальгия по сублимации ... (Отчасти, может быть, и потому, что Германия, которую я застала, открылась мне - unter vier Augen- как страна всё того же бюрократического бездушия и всё той же бездуховной бюргерской пошлости, о которых всегда писали её Писатели ...)

Идеалисты обречены на сюрпризы: когда они снимают розовые и надевают нормальные очки, кот в их руках почему-то оказывается кошкой...

Но как всё-таки славно, как - откуда ни возьмись - радостно в почти-почтенном, огорчённом прежде всего самим собой возрасте, - вдруг, очертя голову, не поучать, а учиться, пробовать на вкус твёрдые кисло-сладкие буковки братьев Гримм, сознавая себя одновременно и младенцем и реформатором ... Потому что прежде всего ты - поэт, и остался - поэтом ...

И однажды - когда-нибудь - вдруг почувствовать, что не ты овладел языком, а он - тобою; и ощутить себя сразу как бы в двух фантастических измерениях...

Подземные цветы

ИЗ СТИХОВ 1980-1987 годов

* * *

Кому даны слова - тем четки не нужны:
Уравнovesишь дух строкой стихотворенья
В молитвенном углу бессонной тишины,
На клятвенной реке в туннель
столпотворенья...

Кому даны слова - тем счастья не дано
Иного: ввысь, к Нему, устами бессловесных,
Как чайки над водой, гортанно и черно,
Чьи крылья абрис губ, сожженных, бестелесных.

Кому даны слова - тех по камням в грозу
Протащит за язык Пророк за колесницей;
И бритва осмеет венозную лазурь
Анализом на миф и желтую больницей...

Кому даны слова - тем слова не сдержать:
Сорвется, и в туман заблудится белесый...
Кому даны слова - дано принадлежать
К юродивым, до слез смеющимся сквозь
слезы.

Памяти А.Морева

От великой души до банальной судьбы -
Только жизнь, и не больше того...
Забивается пылью дыханье трубы
Под бульдожьим замком кладовой.
Так высокую ноту впотьмах берегут -
Спился сторож и пафос осип...
И не траурный марш у обветренных губ,
А досадная мелкая сыпь.
Да и что было ждать на промозглом ветру,
На унылом летеиском дожде,
Где березы, как палочки Коха, к утру
Колыхались в подробной воде...
Просвещенных невежд возгордившийся век
Не допустит линейных потерь:
На бесславную твердь обречен человек,
Тщетный труд и слепую постель.
Наглотайся вестей и звезду потуши,
Акварельные сны позабуди...
До безвестной судьбы от пропащей души
По России - укатанный путь...
Не блазни же, Господь, галереей миров
Муравейник хвальбы и хлопот,
Чтобы в бледном, клиническом свете метро
Не почудился выход и вход...

* * *

Не отражают зеркала,
А наше зренье выражают,
Увитый шишками талант
Хоть в стенку лбом - за миражами...
Во власти чар любимых черт
С тяжелой зыбью под ногами
Угрюмый желчный интраверт
Цветет нарциссом в амальгаме...
Мерцай, неведомая даль,
Куда соскальзывает разум,
Потусторонняя печаль
Открылась там огромным глазом...
Там, в зазеркалье, только там,
За пыльным прахом периодик,
До слез понятен Мандельштам
Как марсианин в переводе...
О, мета физики в коре -
Способность плыть, не зная броду,
И раздвигать слепую воду,
И не почувствовать порез...

* * *

Не могу отрешиться от горестной нашей судьбы...
Поднял каменный лев волевою угрюмую лапу...
Больно плакать и петь.
Бесполезно идти к эскулапу.
Как ты давишь, о, Рим...
Мы варяги твои и рабы.
Что нам радости в том, что могучи твои колоннады
Только злее трещат под классической ношей хребты...
Приходи же, о, Рим, поскорей в неизбежный упадок,
В грязь лицом уподи с высоты.
Вот тогда-то и пустим по кругу певучую чашу,
И расслабим запястья в наручниках типа "Заря..."
Здравствуй, нищее время, божественно голое, наше!
Мы явились и жили не зря...

ЭРМИТАЖ

О чем ты думаешь, Афина,
Мадонна - Мраморный Венок?
Какая свалится лавина
На эти головы у ног
Золотоплешные, как дыни,
Без тубетеек и папах,
В распоясавшейся гордыне
И потной шерсти нараспах?
Какие, Зевсом осиянны,
Грядут грома, и что беречь?
Увы, потомкам обезьяны
Невнятна эллинская речь...
Глазеют, щупают украдкой
К себе примерить - пьедестал...
И называют прочной кладкой
Светящей вечности кристалл...

ПУЧОК СОНЕТОВ НЕ-О-ЛЮБВИ

У поклоненья на устах
Флоренский, Соловьев, Бердяев.
В каком скиту, в каких лесах
Спасти от книжных разгильдяев...

Есть жизнь как жизнь... Ее хозяев
Бегу, - при щах и при постах
Флоренский, Соловьев, Бердяев
Для них похерены в пластах...

Здесь мезозой, а в тех местах -
Флоренский, Соловьев, Бердяев,
Святой огонь...(Когда с блядьми
Священнодействуют в кустах)

И совесть хмурая чиста.
И дева внемлет, рот раззявив...

* * *

А дева внемлет всем подряд:
И неопиту, и неону
Вечерних вывесок. И звону
Всех истин, кои не горят.

Ей собразнителен наряд
И ретро-Хлои, и Юноны;
Рахили, благо, говорят,
Что нет погромов в годы оны.

Феллини любит макароны...
Сервизы в воздухе парят...

Ну, а художники творят,
И воспарят пост-похоронно...
(И сей кишечник между гряд
Взойдет за внутреннюю крону...)

* * *

Вздохмачу крону... Отряхнусь
От хрупкой ветоши. Ну что же...
Перо к ногам роняет гусь,
Сезон цветения итожа.

Гуськом паломники... И пусть
 По веткам дрожь, мороз по коже,
 Мне семантическая грусть
 Псевдоромантики дороже.

Поскольку голый мозг на ложе -
 С медузой пламенный союз,
 А реалистов сочных рожки -
 Как шахматисту нужен туз.

Уж лучше так: соленый вкус
 Губы прикушенной; но все же...

* * *

Но все же в мире голых схем
 И обнаженных разногласий
 С самим собой, есть выпить с кем,
 Кто без цитаты свет погасит...

Чей интеллект иных систем:
 Как керогаз... (И не опасен
 Не для соломы...) Тем прекрасен,
 Что просто девственен и нем...

Закончив дело, спит... И ясен
 Лоб, не гудящий от проблем.
 Но так сопит, что к месту Брэм...
 И тащит в загс, как в угол красен...

А сотворить себе гарем -
 Хлопот, как дети в каждом классе...

* * *

О, бабники! О, высший класс!
 Неоцененные таланты!
 Переходящие, как пас,
 Горизонтальные атланты...

Есть в море жизни только брасс,
 О чем не знают дилетанты,
 Они используют матрас,
 Как пьедестал для чтенья Данте...

Мир тратит век на пошлый фарс:
 Собранья, званья и серванты...

О, проходимцы скользких трасс,
Из всех эдемов эмигранты!
Еще люблю, что бросишь вас -
Не рветесь в траурные канты...

* * *

Кант прав... Трагическая суть
Судьбы выходит за пределы
Любовных пролежней... И телу
Простерт все тот же санный путь...

Светает. Вздох колышет грудь...
Начать с доски, где снова бело?
Но что за птица ночью пела
И скрылась в матовую муть?

Покуда в градуснике ртуть
И память в нас не охладела,
Хотела б знать, чего хотела
Душа, не заживо ль уснуть?

Иль кое-как и как-нибудь
Повеселиться неумело?

* * *

Веселье листьев, что висят
На волоске... Косяк лентяев
Собой замусоривших сад...
Флоренский, Соловьев, Бердяев...

Какими тонкими сетями
Опутан мир, где все не в лад,
Все невпопад; и сердце тянет
Неудержимый листопад...

Где сам себе не больше рад,
Чем заусенцам под ногтями,
А если руку друг протянет -
То нестерпимей во сто крат...

Уж лучше шашни или мат,
Тот, одноклеточный, с ледями... ..
Флоренский, Соловьев, Бердяев
На опохмел, как говорят...

* * *

Новый год или гость случайный -
Светит месяц, бормочет чайник.
Ничего не случится, кроме
Слез и смеха на бледном сломе...
Ни о чем горевать не стоит,
Где, как мамонт, фундамент стонет...
Ничего говорить не надо,
Если кожу смуглит Эллада...
Сок аорты толкнется в нервы,
Ибо ты на земле не первый,
Ибо всюду на сиром свете
Той же влагой - сады и дети! ...
Ничего не случилось, только
Стала горше и тоньше долька...
Ибо сказано: час неровен...
Бог всевидящ, а грех греховен.
Ибо пепел в молочной смеси.
Ибо каждое слово - весит!
Ибо каждая капля крови
В самом деле на честном слове...
И пылающим, и потухшим
Зарываясь лицом в подушку,
В засыпающем нежном вздоре
Alter ego, memento mori

* * *

Россия. Ночь. Атараксия.
Тетрадь в светящемся кругу
И голубые на снегу
Линейки сосен тeneвые ,
Не эта ль сумрачная связь
Сомнамбулических сияний
И не дает как в ересь впасть
В отъездов горькую всеядность?
Все древесина и вода,
Но Боже! Как осиротело
Молились рухнуть господа
Не от инфаркта - от расстрела...
И улыбающийся в блиц
Весь мир заменит мне едва ли
Кастальский луч в слепом подвале
В стальном репейнике границ...

* * *

Для кого ты поёшь говоришь?
Для чего ты на свете живешь?
Надо было податься в Париж,
А не падать от скромности в рожь...
Надо было, гордыню тая,
Сесть не в лужу, а в автомобиль.
Ибо Родине участь твоя
И любовь, безразличны, как пыль.
А слышав последний звонок
И ступив на дрожащий настил,
Отряхнуть ее прах с наших ног
Выше сил... Выше сил... Выше сил...
Так и сгинем в безвестную тьму,
Где ромашками пахнет зима...
Почему, почему, почему
Больше мира казалась тюрьма?

ПИСЬМО В ЗОНУ

Л.Волохонскому

Я напишу тебе, как начинается осень,
 Как заржавели колючие наши деревья...
 Лающий ветер сигнал о побеге разносит,
 Утка на блюде слетает с пучком сельдерея.

Я расскажу тебе, как хорошо и уныло
 В голых садах, где никто не прикинулся вечным.
 Облако в луже вскипает и гаснет как мыло.
 И ни просвета, ни брата, ни веса в заплечном.

Нет, не украсил медалей твой доблестный профиль,
 Но и детей не сослали на заднюю парту...
 Водка не греет. Хандрю потихоньку под кофе.
 Руку кладу как судьбу на невзрачную карту.

Контурсы счастья темней, чем пунктир пулемета...
 Чувства устали. Осталось и теплится - меры...
 Так и живем: вдохновенье, зарплата, суббота
 До воскресенья Любви, и Надежды, и Веры!

Так и состаримся в этом октябрьском загоне,
 Не наблюдая курантов на праздничной вышке,
 Где за поэтом следят как за вором в законе,
 Звезд нахватав, уж, конечно, не с неба, мальчишки...

Мир их большому, до слез петербургскому дому...
 (Пусть затаятся, а вслух никогда не прольются...)
 Что нам поведать друг другу?
 Все слишком знакомо:
 Прах наших листьев, и Кранах, и мрак революций...

Окна блокадные - голодны наши конверты.
 Теплое слово в голубенький гробик забросим,
 Вдруг долетит, оживет... И как хрип из каверны
 Кто-то услышит: и здесь обнажается осень...

ПРОГУЛКА С СЫНОМ ВДОЛЬ ЗАБОРА ДЕТСКОГО ДОМА

От сиротского дома, где бросила пьяная мать,
Этот горестный шарик покатится в светлые дали...
И страна его будет, как сына, к холмам прижимать,
И, как цацки, дарить, разбудив по тревоге, медали
За ангины на койке казенной, за слезы в кулак...
О, российская, бабья, простынно-похмельная жалость...
Ведь не царский сучок, не отродье зарытых в ГУЛАГ,
А родное, свое.. . Вот и сердце по-божески сжалось...
... Ну, конечно, отдай все конфеты, смешной воробей
В продувном пальтеце, из которого выросли трое...
Голубые желёзки, мое беспокойное роз,
Ты простишь ли потом, что, увы, не безродный плебей...
Что тебе отродясь птичьей клеткой родительский дом
И обноски, объедки, задворки за детское счастье.
Если пьяная чернь не проверит железом запястья
Не дурная ли кровь у того, кто начертан жидом...
Если чёрная пьянь не сойдется на книжный пожар,
Хохоча и крича: Докажите, что слово нетленно...
... Так спешి пожалуй робеспьера с разбитым коленом
И, конечно, отдай и конфеты, и розовый шар...

* * *

По вечерам цитировать Софокла
И в гамаке черемухой дышать,
И на веранде, где цветные стекла,
Как в детских снах , воскресный чай вкушать...
... Но пресный труд и медная зарплата,
И злая ночь за письменным столом,
И шаг в окно, и желтая палата,
И скользкий сон, где небо под углом...
И все же, если век тебя обидел,
Припомни молча с болью и виной,
Что есть еще и Пермская обитель,
Где вьюги жестче, ватник - номерной...

А.В.МАКЕДОНОВУ

Мы нараспев дышали Мандельштамом,
Почти гордясь припухлостью желез...
И жизнь была бездарностью и срамом,
Когда текла без мужественных слез.
Оберегая праздников огарки,
Средь ослепленной люстрами страны
В дни Ангелов мы делали подарки
Друзьям, что были дьявольски пьяны...
Так и взрослели: горечи не пряча,
Брезгливо слыша чавканье и храп;
И в нашу жизнь - могло ли быть иначе -
Вошли Кассандра, Совесть и этап...

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Как торжественна музыка в 24 часа...
Даже можно поверить, что наше злосчастное время
Называют великим... Что были и мне голоса,
И утешно взывали тянуть эту ляжку со всеми...
Где еще так пирует, как в нашем раю, нищета!
Полыхает судьба в закопченном подвальном камине.
Мы свое отгорели. Нам черные риски считать...
И котельных котят неприрученной лаской кормили.
Да святится манометра - узенькой лиры - изгиб!
(Чуть пульсирует жизнь в незатянутой этой петельке) ...
Так Орфей уходил. Так огонь высекали - из дыб...
Так меняют режим социального зла - на постельный...
Что российским поэтам на ярмарке медных карьер,
Где палач и паяц одинаково алы и жалки...
О, друзья мои: гении, дворник, охранник, курьер,
О, коллеги по Музе - товарищи по кочегарке!
Что играют по радио? Судя по времени - гимн...
Нас приветствует Кремль в преисподних ночных одиночках...
Мы уснем на постах на постах беспробудным, блажным и благим,
И слетятся к нам ангелы в газовых синих веночках...

* * *

О, времена: нужник, наждак
 Небритых щек, и вин смешенье...
 Кто спросит, можно ль снять пиджак ,
 Штаны - и то без разрешенья...
 О, слог: Привет, салют, виват,
 О, рок... И век не виноват
 В своем блистательном уродстве.
 И мы вступаем с ним в родство,
 Как погружаемся в раствор ,
 Существовать, а не бороться...

Что проку в ханжеской ворчбе ,
 Поэта требует народ
 К священной жертве, к ворожбе,
 Что орошает огород...

Нам не дожидаться перемен,
 Нам шестеренкою - лимон.
 И вянет, морщась, цикламен.
 И процветает гегемон.

Мы удобрения земли,
 Ростков, грядущих через грядки.
 Хоть это мы еще смогли,
 Когда захлопнулись тетрадки...

Что проку плакать над собой
 И земляничною поляной,
 Когда тебя сантехник пьяный
 Прижмет под фановой трубой...
 Люби его как, этот мир,
 Раскрой ответные объятия
 (Куда как трогательно мил
 Ком с кожей содранного платья...)

Хоть это мы еще смогли:
 Сплатить последние рубли
 С могучеплечим авангардом,
 Пожечь стихи. Похерить страх.
 И проигравши судьбы в прах
 Не удавиться над огарком...

* * *

Нет, не за то, что нет чесночной
 И краковской (хоть никакой!),
 Что политический чиновник
 Икру грабастает рукой ,
 Пускай нажрутся до икоты,
 Еще стройнее будем мы
 Без ширпотребной позолоты
 В сквозном сиянии зимы...
 Ведь не зверье, чтоб выть без меха
 (И не без перьев соловьи...)
 Нет, не за то, что мир объехать
 Нам не дадут и за свои...
 И не за то, что ваши судьи
 Загнали нас в кольцо флажков,
 И не за то, что наши судьбы
 В руце соломенных божков...
 Но за оборванное здрасьте,
 За слог, почерпнутый из ям,
 Мы счет предъявим этой власти
 По всем сонетам и статьям...
 О, логос-лотос, ты растоптан,
 Ты обещен на корню
 Публицистическим восторгом
 И бранью невских авеню...
 Слух голоден. Эдем, олива,
 Фонарь, аптека О, изыск...
 ...
 Начпупс, горгав, тыр-пыр, главпиво... ..
 Любая кара справедлива
 Как месть за вырванный язык!

* * *

Любите живопись, поэты!
(Н . Заболоцкий)

Не живопись, а жиропись. И не
Картины выставляются, а те, кто
Замешан в их создании... В стране
Сознание - отступление от текста.
И мыслящий иначе (и на кой...)
Но мыслящий не может не иначе !
Бредет запоминающей рукой
В прицеле запрещающего знака
По шпилью - золотому волоску,
По краешку гранитного багета...
...Наркотики, вводящие в тоску,
Отринуты: элита и богема;
Не живопись, а мертвопись. И не
Палитра, а цветная политура...
Как странно уживаются в стране
Смурная и казенная халтура...
Как пьяницы с милицией: бредут
В обнимку, а прохожие по - краю...
Шарахнешься, поморщишься, и тут
Окошко, воссиявшее - сгораю!
И живопись! И жестопись! Стоишь
И слушаешь, как светится дорога,
Кого-то уводящая в Париж,
Кому-то заостряясь до острога...

* * *

Я комнату свою могу изобразить.
 Начнем с окна за наименьшем печки.
 Белеет падший парус - подоконник
 И дарит взгляду круглое пятно:
 Портрет кастрюли с тыльной стороны
 Или иной планеты отпечаток,
 Где жизнь кипела...
 С мясом вермишель...
 Под мухой - демонический Мишель...
 Нет, не навеселе, - живая муха
 Осваивает классику... Не глухо
 И к насекомым чаяньем перо.
 Кичиться нечем: все того же теста...
 Но житие превыше, чем житейство,
 Хотя как все грядущее, старо...

Не ошибется сверивший сюжет
 С линейкой, докопавший до тычинок,
 И личность над кишением личинок
 Значительней, с безумия сошед,
 Покажется... Есть здравый смысл, и есть
 Похвальное усердие летописца ...
 Но кто-то должен в космосе топиться,
 Когда подходит очередь и честь!
 Волчками электрических полей
 Играя, золотыми колеями,
 Увидеть: куст косматый -
 Галилей
 И крестиком над ним Галилеянин...

Нет, стол не вертится, проверь, облокотись,
 Унылый критик, эксперт реализма;
 Искусство - не досужий спиритизм ,
 Восторг и стыд сквозь землю провалиться,
 За всех наседок выйти за черту,
 Обжечь гортань глотком судьбы и воли,
 Где муха обмирает на лету
 И цепенеет в лунной канифоли...

* * *

Когда босые по росе
Ступают кони из тумана,
Коснись, библейский экстрасенс,
Угрюмой язвы Вассермана ,
И гной засахарится в мед,
И расцветет на биополе
Гвоздика... Присмотрит как поймет
Чернь, побелевшая от боли,
Любую милость с высоты -
Как свысока , на то и чудо...
... Лишь пару тысяч лет и ты
Мудрей, чем Понтий и Иуда:
Теперь в провинции любой -
Твой дом, как в тихом Назарете
(Сентиментальная любовь
В неисцелимом лазарете...)
Узри, последний гуманист,
Как наша участь безголоса,
Как вразумляет ветхий лист
Планету с кариесом носа...
Толпа, лишенная крыла,
Ползет, одежды рвя и воя,
Бить языком в колокола
И в гулкий кафель головою...

* * *

Ни живого огня у печи и свечи,
Ни чернильной томительной влаги...
И, как дева, Мария уныло пречист
Светлый лик одинокой бумаги.
Как ты выжило, Слово, до наших имен,
Еле слышных в плебейском разврате,
Где публичная Муза сосет микрофон,
Пьяный Каин рыдает о брате...
Так чудовищно сбылся обещанный хам ,
Как не верить насчет остального...
Ничего не добавишь к библейским стихам,
Кроме тихого вздоха ночного...
Полустертого между прощай и прости
Полушепота, рвущего связки!
Кроме хруста бессонницы в лобной кости
Отмирающе-лунной окраски...

* * *

Не беда, если копится тихая грусть,
И прощаем друзей, и на Бога не ропщем...
Предпоследняя ясность вливается в грудь,
Как звенящая высь - в облетевшую рощу...
Синева ноября и крадущийся шорох вдали...
И спина, обращенная в слух, вздрогнет:
хрустнули ветки...
С опозданием на вздох...
И нахлынувший запах аптеки,
И углом под ребро уле-тающие
журавли...
... Чьи холодные руки на веки легли
Словно в детской игре...
Неужели навеки?

АПОКАЛИПСИС

Свистел атеист: покажите мне Бога,
Признайтесь, кто близко знаком!...
А Бог отвечал: Поумнеешь немного...,
У ног раскрываясь цветком...
И снег полинял, и встряхнулась природа,
На кончиках елок - укроп...
Шутил атеист от себя и народа,
Что все же - пустой телескоп...
И было, как в линзах, прозрачно и чисто,
Сиял первомайский наив
В испуганно круглых глазах атеиста,
Где яблоки - белый налив...
Откуда все это: и адские громы,
И проволока трещин в коре?!
Себя на планете он чувствовал дома,
Как в гулком футбольном дворе...
Бахвальные речи, льняные девчонки,
И пенсия пенсий в конце...
... А небо - раскосо. А сумерки - черны.
И весь - в светоносной руце...

* * *

С. Бурченковой

Кто ждет конца, а кто - начала Света...
Кто просто лета - влажная земля...
Крест на обложке Нового Завета
Не сувенир, а мачта корабля!
Кто пьет в корчме, кто - с удочкой на берегу,
Кто фанатично верит в чудеса...
Звучат морзянкой в Ноевом ковчеге,
Перекликаясь, птичьи голоса.
Кто красит яйца, кто целует братьев,
Кто услаждает брюхо куличом...
Фасады зданий и фасоны платьев
Согласно плещут майским кумачом!
Блажен, кто нынче верует во что-то,
Не из одной макаки сотворен...
И чист четверг. И светится суббота...
И Летний сад шуршит календарем...

* * *

О, Москва-восква,
Как гудела ты
В тихом свете свеч...
Как с похмелья голова,
Совестная речь...

Бледен, свят разгульный нрав
Утренней порой...
И депрессии не знав ,
Маялись хандрой...

А у нас гудит эфир -
Воплощенный Маяковский...
Льется за ворот кефир
Как январский снег московский...

* * *

Не то чтоб эту или ту
Черту, - как простенько и мило...
Не чистоту, а наготу
И боль неприбранного мира
Нам тщится выразить зима,
Как париографы Эллады...
И студень лунного бельма
Смущает мрамор колоннады.
... Увидь в светящемся кругу,
Влачась подавленно с попойки,
Скелеты елок на снегу,
Ночное пиршество помойки...
Останки прожитых вещей,
А под мерцающим каркасом -
Компот осклизлых овощей,
Кровосмешенье рыбы с мясом;
Меню, прилипшее к бокам
Кота, что был комочком рыжим ,
И вздрогнешь: черви по рукам
Ползут к запястьям...
 отвори же...

К ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Живя в разладе и вдали
От проституций и оваций
Не так уж трудно от земли
С крылатой Музой оторваться...
Скажи торжественно: "Сиречь",
Задержи век в глазницах зданья ,
И, как лиловая сирень,
Шатром смеркается сознание...
Теперь хоть мертвых целовать -
Толчками музыка в запястья!
И дай-то бог успеть прервать
Восторг мифического счастья...

* * *

Фотохудожнику В. Иосельзону

Восхитительных луж и обшарпанных стен,
И сквозных достоевских дворов
Нам достанет на жизнь, и потом, и за тем
Тупиком запредельных даров...
Голубой скорлупой отлетающий хруст,
Утлой лодочкой тонущий след...
Если с детства гнетет априорная грусть
Ни при чем эмпирический свет.
Ни при чем наших гнезд коммунальный галдеж
И нависшие гробики птиц...
Продолжением сна после смены идешь
Мимо тихих расплывчатых лиц...
Ты какую зарницу подсек, браконьер ,
Хвост на память, а сущее - спас?
Это гетовский спектр, феномен Паркинье,
Золотой и сиреневый спазм.
Это легкий снежок на лету сентября,
Опыляет анод и катод...
Да обрящет искусство бежать от себя
Крылья радуг в ячейках пустот...

* * *

Скульптору Л. Добшиной

Не хрупкой прозрачной рукой поэтической

Ваять наше время-

железный каркас,

Где все вперемешку:

и ангел тепличный

и ржавые гвозди

и блеск напоказ

и боль втихомолку

и рюмка на ветке

(Все главное в скобках и нет запятых)

Концерт для ракетки

от сердца таблетки

и синие взгляды

еврейских святых...

все что-то глодают

всех что-нибудь гложет

кентавр проступает в осанке коня...

в игрушках коллажа

искусство моложе

наскальных эскизов

из камня огня...

Искрится шамот, закипает кастрюля

(Над гречневый варевом

греческий дух)

За век не выходят в накидке из тюля

Мясницкий передник -

фата молодых!

Все что-то мешают всем что-то мешает

Америку ль, выставку ль, сердце открыть...

А сила таланта - мулатом на шаре

Мять память

мять память

и время

заставить

застыть...

* * *

С. Скверскому

Симпатия надежней, чем любовь:
Она не отпылает с быстрым треском...
А та - бросок огня по занавескам
И горсть ворон на лежбище гробов...
Мне далеко не каждый кустик мил
(Их под окошком целая орава)
И я надменно презираю мир:
Этаж последний дал на это право.
Что ни пруток - то деревом норовит
Казаться, слыть...
(А сам не в силах - древком...)
Что ни поэт - заупокойный вид ,
(Послать к чертям, лечиться или к девкам...)
Тому, кто умирал, смешнее нет
Смотреть, как саван к бедрам примеряют...
Мне все смешно: и зависть, и миряне,
Тот, ботанический лилеющие свет...
Сознание - сад и Суд.
И не любой
Мне просто друг, в нем связь времен былая
С грядущей . Не сожжет, не отпылает
Ее пунктир в пустыне голубой...

ВИДЕНИЕ ДУШИ В ХИРУРГИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ

В больнице нежной розовой салфеткой
 Я промокала чей-то пах дремучий -
 Свидетельство, как мы произошли...

И с грацией гладильщицы Пикассо
 Над унитазом волосы пролив,
 Хрипела я фарфоровому уху,
 Божественному до моих конвульсий,
 Что мир устроен так несправедливо:

Мы старикам должны воздать сторицей
 За ночи их бессонные над нами,
 Но попку белорозовой зефира
 Так звонко и щекотно целовать...
 А ЭТО, что раскинуло коряги,
 Кому-то было матерью, и, значит,
 Кому-то прежде раковинной, тайной...
 Звенел, переливаясь, перламутр,
 Где мне зияет кариес ущелья...

И что мне до бессмертия души . . .
 Хоть розой, если эта роза вянет,
 Хоть веником...

До всех благоуханий,
 Больными нечистотами дыша...

... Потом пол-ночи было не до сна...
 И, наконец, насмешливо и робко,
 Явилась мне Бессмертная Она:
 Фонарик... Шарик... Розовая попка...

* * *

И буквы Е естественный изгиб
 казался мне ехидным в этом слове:
 в конце мы знали - классного журнала -
 в моей графе - единственной - :еврейка,
 и дети утешали: не похожа ,
 поскольку полагалось издеваться,
 они ж меня за двойки полюбили,
 потом высокомерие пришло...

Я принесла как жертвенного овна
 свою судьбу... Мне желтая звезда
 дрожала как последний лист кленовый
 на ниточке доверия к ветвям:
 они своей Отечественной бредят,
 а у меня история длиннее, чем Библия:
 что в Библию попало - случилось ДО...
 И юность разводила
 надменными руками: се ля ви,
 когда не принимали на работу...

Потом пришли спокойствие и лень;
 Хоть иногда еще приходят мысли:
 святой Иосиф продан как в Египет
 в Америку. Не раб - наоборот
 он фараон, его ласкает Муза.
 А у меня фамилия по маме
 такая же (о трепет совпадений...)
 Я Бродской быть могу, коль пожелаю,
 но у меня фамилия отца...

И что мне делать в картожной стране
 с ее обрядом вечным обрезанья
 поэтам - слишком длинных языков...
 И что, скажи, без Родины мне делать
 с такой любовью к медленному снегу
 и поцелуям в сумрачной парадной,
 а золотые, словно с лип, кружки,
 в которые играла с первых всхлипов,
 не прозвенят отцовские медали,
 что большой подвиг: жизнь или отъезд...

Отечество проиграно, отец.
 Последний лист уткнулся носом в землю,
 А я глазами предвкушаю небо,
 где наш космополит и туняедец

восходит над героями труда...

* * *

В Доме скорби свечи не горят
За решеткой - лип
зеленый пламень
Амен...

Плачут, и поют, и говорят...

Все забудешь: имя и беду,
Поезд жизни, лязгнувший на стыке...

В Доме скорби, как в зоосаду,
В час обеда - радостные рыки.
Спрячь глаза, язык за щеку спрячь,
В тесноте - а как во тьме полярной...
Тихий врач стоит, как белый грач,
Посреди фланелевой поляны...
Тут с халатов можно рвать цветы,
Объявить себя Наполеоном...
Что планета стала полигоном
Не обязан знать и помнить ты.
Тридцать шесть шагов до той стены...

Эта смерть живет без ритуалов,
Без гвоздик зазубренных и алых ,
Плач волхвов и хохот
Сатаны...

* * *

Господь не милостив, но не дал умереть
На голой койке в сумасшедшем доме.
... Какой еще в железном веке доли,
Когда отпущено по-доброму стареть
В кругу семьи, в квадратике уюта:
Вот лампа... Вот диван... Вот человек...
Сырая яма, пастбище червей,
Пока другому предназначена кому-то. ...
Так медленно танцует в окнах снег,
Что кажется счастливою минута...

* * *

... Вновь я посетила
Тот уголок, где мне вязали руки
И коридор, короткий и прямой,
Напоминал извилины здоровых...

В железной плошке вспыхнул апельсин -
Воскресное больничное светило;
И та, кого я посетила,
Вдруг закричала: Уберите плач!

Чем оттереть оранжевые слезы?!
Дождь слез, Град слез...
О, слезы цвета, звука...
А коридор, как молния из лука,
Застрял в груди

... Свидание окончено. Иди...

И поплелись унылые халаты
Послушно, как пятнистые коровы,
На запахи родного хлева, крова,
Смотреть через оглохшие решетки
На неподвижный снегопад слепонемой

... Домой
Под видом озабоченной родни я...

Врач говорит, что у нее болит шизофрения,
Я говорю по-своему: Душа.. .
За этот мир, где плачут апельсины,
Зловеще восходящие на синем
Как в небьющейся таре психиатрички...

* * *

Ну что, народники, жалевшие народ
На посмеяние народу...
Смотрите, как улучшил их породу
Руля истории скрипучий поворот...
Откормлены. Обучены зевать
Прикрывши рот. Не плюхаться в кровать,
Не ублажив себя шампунями до пяток...
Не губернатор: целишься в живот,
А он простит...
Взроптавшего народ -
В Сибирь с женой и выводком ребяток...
Не террорист (какой там террорист...)
Перевелись, а, может, подлечились...
Читал не то. Глаза не тем лучились.
С заглавной Бога выводил на лист...
Ну что, народники, листовками соря,
Не знали вы, куда ведет крамола ,
Что правде лучше уж наложницей царя,
Чем проституткой комсомола...
Мужик хитер: в телегу под хмельком,
Интеллигент - по пояс в бездорожье...
... Они ошибки ваши подытожат,
Как вдруг, разжалобясь, поили молоком...
Ну что, народники, все квиты и равны,
Вы защищали их, их дети - рефераты
О том, как были вы смешны и виноваты,
И кровью кашляли, и смысла лишены...

* * *

как волхвы над колыбелью под звездой ритуальной
наклонились над культурой три марксиста, дарвин, павлов
и мичурин, к ним присохший черенком корявым сбоку,
и все вместе дружно шепчут, что сознание вторично...
и с тех пор в гнезде трагедий раздаётся визг пародий,
превращая понемногу человека в обезьяну...
и художник у распятыя слезы слюнками глотая,
подтверждает безусловность безнадежного рефлекса...

* * *

Пора простить себе потерянный покой,
А, значит, и другим спокойствие и сухость.
Вздохнуть до позвонков.
И на исходе суток
Махнуть на все рукой,
А не крылом. И лечь.
Нахлынет потолок.
Подкожная тоска, и давняя, и эта...
Как, вспыхнув, медальон защелкивал глоток,
Вобрать глазами прядь слабеющего света...
Прощание с числом. Черемуховый шок.
На взлетной жести крыш - подрагиванье капель.
И душит воротник. И вглубь забитый кашель.
И режет русла вен потертый ремешок...

* * *

Эти черточки, точки, черты
Грустной Родины...

Взгляд запрокиньте:

Крылья чаечьи -
черные рты,
Что размножены на ротапринте.
И оберточный серый туман
(Изомнется, пропитанный влагой)
Это все - нелегальный роман,
Осужденный остаться бумагой...

* * *

Жизнь теплится еще под кожей восковой.
Так в мраморе - взглядишь - ветвятся капилляры...
Еще ваять строку, мечтая о живой:
Пилястры - без сучка - ,а дети - шепелявы...
Лохмотья напрокат - и в нищенский изыск,
Когда запретный плод на блюдечке к обеду? ...
Не выговорить бы... Почувствовать язык...
И к Пушкину придти ... как к логопеду.

* * *

Тяжелые
спелые
капли

висят,

А новые дождики - с трапом...
Стоический сад, Ботанический сад
Охвачен паническим страхом.
Откуда он знает, что это - весна
Со всем совершенством абсурда:
Отсюда - накатит сирени волна,
Проклюнется горечь - отсюда.
Сады ведь не помнят, на то и сады -
(пустеющий стержень в спирали),
Рассады, осады, осадков беды:
Надсаживаясь, умирали...
Смотреть, как мучительна их благодать:
Мягчает в черемуху иней...
И душу трясти, тормозить, утруждать
Разгадкой таинственных линий.
Должна устоять в перекрестных ветрах,
В решетках, что сами чинили...
Стоический сад, ботанических страх
И обморок бледно-чернильный...

* * *

Июльский город - рай полупустой...
Прозрачный воздух. сочные газоны.
Я здесь живу. И утренние звоны
Едва слышны, как будто за чертой...
Я здесь встаю по шелесту души,
По всплеску сини в невское надгробье,
О чем еще?.. След времени над бровью
Красноречивей, что ни напиши...
Кто на море, кто за море, кто в прах..
И я не здесь, а где-то между ними,
Где помнят слезы, где ласкают имя,
как родинку, запрятанную в пах...

* * *

Двуглавый золотой матриархат,
Железная рука Екатерины.
На плац, герой! Накатаны перины...
(Посмотрим, кто ты: маршал иль солдат...)

Подумать, как России повезло
В тенетах сексуального улова...
А если б в те же сети - не Орлова,
А индюку - державное крыло?!

Спасибо, граф, что одержали верх
И воцарились в нашем будуаре...
(Турецкий флот плывет в ночном кошмаре
И над Невой справляет фейерверк...)

Да мы должны молиться на судьбу
В Чесменской сказке, в шторах Эрмитажа!..
Я графский жезл поставила бы даже
Подстать Александрийскому столпу, -

Вот славный штык... Он с честью одолел
Самодержавье женщины у власти...
(Где ордена на грудь - по сходной страсти
И Акатуй - как чтоб ты околел...)

* * *

Не гедонизм, но радость Эпикура:
назначив срок блаженству и труду,
присесть на сруб, и вдруг увидеть: кура,
волнуясь, пьет из лужицы звезду.
и за холмом стыдящуюся церковь...
и у забора гордое ведро...
И вырастает жанровая сценка
в такую жуть, что выронишь перо...

ДИАЛОГ

СОНЕТ: Что вешишь ты, Солдат,
 На чашах Клио и Фемиды?
 Все копошенье ваших дат
 Как в голове планеты - гниды.
 Когда очистят добела
 Ее на бреющем полете,
 Найдут меня поймут: была,
 Сочилась жизнь души и плоти...
 СОЛДАТ: Помалкивай, Сонет,
 Не от тебя родятся дети...
 Я - перегной, ты - мусор в Лете,
 Где даже дна для смерти нет.
 Где захлебнулся рыбий пир.
 Ни заучить, ни в камне высечь...
 И если выплывет Шекспир-
 Солдатский шанс: один из тысяч...
 СОНЕТ: Ну что же, и один
 Творец на мертвом поле воин:
 Он в череп мысль живую волен
 Вдохнуть, и страсть - обломки льдин.
 И уцелей на всей земле
 Одна беспутная лахудра,
 В ней воссиявшая Лаура
 Взойдет на нищенской золе!
 СОЛДАТ: Мужчина одинок
 Как перст на черном пепелище.
 И не утех любовных ищет,
 А кости матери у ног.
 И снова плуг, очаг, семья,
 Кресты на темени планеты...
 А уж салаты и сонеты -
 К вину, к излишеству семян...
 СОНЕТ: И голоден, и гол,
 Тропою горестно-окольной
 Всю жизнь один бредет глагол,
 А видит выше колокольни...
 Ему и в смерче шаровой
 Корявый ствол - костыль и лира...
 А ты... Ты жалкий опыт свой
 Возводишь в ранг законов мира.
 СОЛДАТ: Трагедия в судьбе
 Народной - этот опыт жалок?
 К слезам прижатый полушалок -
 Тряпье безродному тебе...
 Да если б мир внимал стихам

И забывал прочистить жерла

Твоих певцов птенячи горла
Давно бы с миром - к потрохам...

СОНЕТ: Ну как еще с тобой

Мне говорить , ты как татарин...

СОЛДАТ: И ты элементарен.

Вкушал нектар - понюхай бой...

СОНЕТ: Я кровью истекал

СОЛДАТ: Как сбитые голубки...

А здесь не морс - моча и кал,

И фарш ушей из мясорубки!

СОНЕТ: Вот то-то и оно.

А ведь сначала было Слово...

Какая дичь защита крова:

Всем небо дадено одно.

СОЛДАТ: Один у смерти чин...

Как эта почва под ногами,

Оно растерзано богами

На клочья Родин и чужбин!

СОНЕТ: Убийственная тьма...

Так свято верить в наши мифы...

Венера с Марсом, спор сизифов
послушав, скрылись за дома...

* * *

Чудес не бывает. Не сядет на шпиль самолет.
И блик мотылька опростается кислой тряпицей,
Бесплодная слизь... И чему не дано - не случится.
И ляжет на жизнь затяжной бронированный лед.
Сезонность печалей - не каверзность календаря.
Приметы погоды - унылая дань суесловью.
Что пишем не кровью смущаются критики зря,
Вот именно ею, густой регулярною кровью...
Нечистой и честной. На свой - расчлененный аршин.
Танцующий циркуль - отросток свечи поминальной.
И трепет струится по впадине между вершин
Горючий, как воск, и банально-экзистенциальный...
Застынет мгновенье. Затянется белый рубец
Не солнцем, но тучей. Обыденно и безвозвратно.
А листья? А снег? Это памяти заспанной пятна,
Осадки творенья.. И чудо судьбы, наконец!

МОИ СОВРЕМЕННОИКИ
(венук сонетов)

Летучих рифм целительные жала
И тоньше, и изысканнее яд.
Но вся Россия пела Окуджаву,
А что ей Шварц, Кривулин или я?..
Что ей с того, что слез изящны блестянки,
Что изощрен творительный падеж...
Не рождество у елочек кремлевских,
А лишь реанимация надежд,
И слишком поздно, век затихнет скоро...
И каждый, за свою схватившись боль,
Поймет: не сор мы - сон, мы сонм и город,
Но не Россия... Призрачная роль...

О нас напишут, ведаю заранее:
Бескровны жизнь и смерть на поле брани.

Бескровны жизнь и смерть на поле брани
Бездарностей... Есть способ удавить
Еще верней: похоронить заранее,
Из поля зренья жестом удалить:
Кого бранить? Кто помнит имена их?..
Всех поглотила черная дыра...
А те, что все же слышали и знают,
Иудин доллар ждут из-за бугра...
Нет, не валюта валидол в аптеке
Наш гонорар... Несносен наш союз.
Но в Эрмитаже и в библиотеке
Слагался он под сенью грустных муз...

Жрецы искусств, а пили в ресторане,
О нас напишут, ведаю заранее...

О нас напишут, ведаю заранее,
Немало всякой горькой чепухи...
А правда в том, что мы не на экране,
Не на трибуне верили в стихи;
Не в кассе: сумма прописью - за веру...
... Через решетки слушая синиц,
Мы, эллины, привыкли к интерьеру
Котельных и смиренных больниц...

Спасая мир от мнимой катастрофы,
 Кто там крадется тенью по стене?
 Держись, Олег (за что ж еще? за строфы...)
 Привет Сереже. Помни обо мне...

Мы сон и сонм откуда ж эта боль?
 Но не Россия... Призрачная роль.

Но не Россия - призрачная роль
 Постигла нас, как всех, кто похоронен...
 Летим на спиритический пароль
 Пугая холодком потусторонним
 Вертевших стол... Игнатова? Нет, тень...
 А где сама? Вестимо, за границей?
 Да, ваших глаз... И вам на скудный день -
 Явление поэта за страницей...
 Мы где-то там, где нет границ и лет,
 Простите нас, что мы не вездесущи,
 И что о вашей жизни на земле
 Так мало знаем, - занавес опущен...
 И кто-нибудь, рванувший тесный ворот,
 Поймет: не сор мы - сон, мы сонм и город.

Поймет: не сор мы - сон, мы сонм и город.
 Как долог общий памятник - гранит...
 Ты Стикс, Нева,.. Здесь каждый был и порот,
 И счастлив в детском счастье Аонид.
 Трезв Ширали, Кривулин безбородый
 Уже пророк, но чуда - не конца...
 Мы шли в народ, и в нас была порода,
 Быть может, от небесного отца...
 И кое-что от Глеба и Давида.
 Ты Стикс, Нева, но грех не без родства...
 Блажен, кто знал: нам тесен мир Эвклида
 Был с первых строк, с ночного озорства.

Кто виноват, что снег проела моль.
 И каждый, за свою схватившись боль...

И каждый, за свою схватившись боль,
 Не слышит даже стонущего рядом.

И корчится. И сыпет в рану соль.
 И соты мозга наполняет ядом.
 Да, пессимизм, да эгоизм. Да, так.
 Кто не бессмертен тот не безупречен,
 О чем и стонем... А больничный мак
 На белизне - как там, на Черной речке...
 Дантес - француз, а нас - не чужаки...
 (Что из того, что Аронзон - не Пушкин...)
 О, как улыбки щерили клыки
 В незнавших, что приблизились к кормушкам.

Давно ясна причина приговора,
 Но слишком поздно: век затихнет скоро...

Но слишком поздно: век затихнет скоро,
 Скользнут на дно медузы метастаз...
 Не мы его надежда и опора,
 Не мы ему предстанем в смертный час.
 И нам не он: воинственный, хвастливый,
 Забывчивый... Но счета ни при чем.
 Он тоже был доверчивый, счастливый;
 И столь же глух. И так же обречен.
 Хвала ему, что лось берет мякину
 Из рук ребенка, что не все - металл,
 Что Королев Гагарина закинул
 Туда, где миф младенцем пролетал...

Нет синевы синей прощальных вежд.
 И лишь реанимация надежд...

Аминь, реанимация надежд,
 Здесь о венок споткнется неотложка...
 Осколки ампул. Карканье невежд.
 Латынь. Священник. Детская галошка...
 Ну вот и все, сердца сгорели, в нас
 "Остался только пепел..." Это Дудин
 О той, где выжил... Нет, не на Парнас,
 На Южное, туда подъем не труден.
 Объедем город - праздник задарма...
 Не унывайте, сфинксы и атланты!
 Как хорошо, что все-таки зима,
 И в желтых окнах - юные таланты!

Пусть щеголяют в Логоса обносках, -
 Не Рождество у елочек кремлевских...

Не Рождество у елочек кремлевских:
 Комки об крышку - круглые слова...
 Мы будем снова в тихих отголосках
 На Троицу, когда взойдет трава...
 Что опыт ваш... Мы Клио пережили,
 Ценили хлеб - блокадники культур...
 И не стоянки - Музу сторожили
 От наглецов с набором партитур.
 И не спасли, забылись сном мертвецким.
 Рассудит Бог, судьба или вина...
 Да, вы - с фашизмом, с варварством немецким,
 А с вашим - мы... Священная война...

Что сытым вам, в тщеславии одежд,
 Что изощрен творительный падеж...

Что изощрен творительный падеж
 Уже ежу и критику понятно ,
 Алле, творец, - извольте на манеж!
 Лицо под грим, в бессонницах помято.
 Земля кругла и запах цирковой...
 Да нет, увольте, трупы - не паяцы.
 И Мандельштам качает головой,
 Под колпаком приученной бояться...
 Умнейте, перестраивайте строй,
 Для вас иконки наши - не помеха,
 И нас уж нет... На первый и второй
 Вся перестройка... Цирк дрожит от смеха!

Россия... Рожь... Сиротские полоски...
 Что ей с того, что слез изящны блески...

Что ей с того, что слез изящны блески,
 Что мы как боги знаем ремесло;
 А ей нужны горшки, и не березки, -
 А доски. Дождь. И ноево весло.
 Как дышит склон, морщинистый, пологий,
 Но дышит, но вздымается к весне!

Зачем вдове профессор патологий:
 Живой мужик - и счастлива вполне.
 Мы Фрейда с детской робостью просили,
 Нас обжигали Гегель и псалмы.
 И хоть в Сайгоне пили, но Россию
 (На книгу руку) пропили не мы...

Вот потянулась... Ищет соловья...
 А что ей Шварц, Кривулин или я?

А что ей Шварц, Кривулин или я,
 Пудовкина, Охупкин, Куприянов,
 Миронов... Каждый сам себе семья:
 Сосуд пороков и певец изъянов...
 Что ж, каждому свое... Ворота в ад
 И мне маячат... Если станет страшно -
 Шприц, морфий, - и нахлынет Ленинград;
 Наш нищий рай, наш черствый снег вчерашний,
 Воспетый (нынче шамкать и молчать)
 До всех святынь, искривленных в каналах.
 И если вас отметила печать,
 Нас - дерево декабрьское в кораллах.

И вещей кот на крышке бака ржавой...
 Но вся Россия пела Окуджаву...

Но вся Россия пела Окуджаву,
 Высоцкого, запретам вопреки.
 Хрипела страсть, будящая державу,
 Вздыхал Булат - смолкали остряки...
 Есть голос крови.
 Голос поколенья.
 И вопиющий глас. И голоса...
 Мне голос был: поэты как поленья
 Трещат в печи, а истина - боса.
 Кто горемычней значит ли - мудрее?
 Пусть этот вял, а тот вторично лих,
 Скажу, вздохнув, как Белла про Андрея:
 А я люблю товарищей моих...

В плену Харит, в компании Наяд
 И тоньше, и изысканнее яд...

И тоньше, и изысканнее яд,
Искуснее пчелиное барокко ...
О, Летний сад, безлюдный Летний сад,
Ты так притих, как будто ждешь пророка...
Мы тени тех, самих себя, прости...
Плюсквамперфект уютней, чем футурум.
Хотя бы мрамор вылечи, срасти,
Не подпускай безбожников к скульптурам!
Мелеет лоб - как не было чела...
И не от крыльев колет под лопаткой.
А надо мной вальсирует пчела:
Нашла цветочек с родственной повадкой...

И сжалась жизнь. И, сжавшись, не сдержала
Летучих рифм целительные жала...

РЕМИНЕСЦЕНТНОЕ

Не дай-то Бог, чтобы к штыку...
К щиту, - и то унижить Слово,
И муки светлые в муку
Перемолоть для нужд столовой.
Не пропадет наш скорбный труд:
На нем и так повеселятся,
И Серафима перельют
На шестикрылый вентилятор.
И пусть обрушатся леса,
И до слепого небосклона
Стригучих просек полоса
Грозит бессилием Самсона ;
Одно бы только убересть
Как в детском дворничком атасе:
Почти фазическую речь,
Почти физический катарсис...
А в Прометеи - чур, меня!..
Уж лучше сдохнуть от цирроза,
Чем узреть: тлеет целлюлоза
И смысл - Божественный - огня...

* * *

Тихо качается синее тело...
Вам-то какое до этого дело?

Спите, как спали с тоски и удачи.
Завтра успеете всласть посудачить.

Перетряхнете белье и тетради:
Как это вышло? Чего это ради?

Пять дураков посчитают, что были
Болью болей - не тычинками пыли...

Гордо красуясь виной и печалью,
Крылья коварства взойдут за плечами...

Всхлипнут издатели, что не издали,
Что почему-то опять опоздали...
(Казнь матерей, что детей пережили:
Помнить, как лакомства не разрешили...)

Детские игры с цветами у гроба...
Слезы созвездий над люлькой микроба...

Райские рассказы тихих рептилий...
Экая жалость, меня не крестили,
Не записали в небесный розарий...
И не равнины язык обрезали:

Страх, что блестящее острое слово
С легкостью лечит и ранит другого...

Юноши, бледные, как спирохеты,
Вам ли в Эроты? Плетитесь в поэты...

Спите, издатели, долгие лета,
Музыке важно, что песенка спета...

Радуга согнута. Сделано дело.
Тихо качается синее тело...

* * *

Мать и мачеха, Родина, мощной шеренгой - дубы...
Я, подвальный росток, задыхаюсь и кашляю кровью.
Лучшей доли не жду и другой не представлю судьбы.
И окошко в снегу - чистый белый билет к нездоровью...
Пусть, взлелеяны солнцем твоим, за тебя постоят
Им завещаны земли и дадено благословенье...
Я ж - подвальный росток, мой приятель - сорняк пастернак,
И отпущено мне только это святое мгновенье:
Только белая каторга, пахота мерзлых листов
Да ущербной луны замогильная полуулыбка...
В этой жизни фламандской нам, слава те, нету местов,
Как в столовой, где ночью бифштексам сопутствует скрипка...
Мать и мачеха, Родина, клетки - этаж к этажу...
И подвальный росток преклонился в твоём изголовье...
Но из блестящих строк я кольчуги себе не свяжу,
Дабы сброд насмеялся над нашей расплеванной кровью.

ЭТЮД

Когда раскрылись лотосом колени
Не ведал он, что это западня...
Торжественно, как входят в суть явлений,
И одержимо - в логово огня,
Он проникал в глубины этой страсти
До затонувших вытопанных нив,
Не зная, что судьба крестовой масти
Уже взошла, все карты обронив...
Не то, что шулер, - вовсе не игрок он,
Из тех, кого смущают зеркала;
И, бабочка, спеленутая в кокон,
Еще душа томилась и ждала,
И окрылялась, медленно пьянея
От запаха невиданных цветов,
Все для того, чтоб он за той - за нею
Был на костер и в странствия готов...
А утром - циклопическая рыба -
Будильник выплывал из темноты,
И зрело, как проклятие, спасибо
В припухших и не смеющих на ты...

ПЛЯЖНЫЕ СТИХИ О ПЕРЕСТРОЙКЕ И УСКОРЕНИИ

Мы уже в том возрасте, когда не бросаются в эпилептическую волну
 Для восторженных зрителей,
 Когда не просятся на войну
 И все чаще вспоминают родителей...
 Когда южные пляжные топчаны
 Напоминают нары
 книги сделались нами...
 И хочется тишины...
 И не хочется перемен (ни к чему, даже к лучшему...)
 Когда сам себя не раз перепел
 И в любви, и в стихах...
 Наскучило.
 Будь что будет с этой страной, и даже с тобой,
 Разрази тебя молния миокарда ,
 Пусть белые шапочки соберутся цветком
 (дай Бог им выдержать бой...)
 У меня отпускная - чтоб нос не сгорел - кокарда...
 Мы уже не в том возрасте,
 когда сердце печет от взгляда,
 Когда круто меняют курс навстречу волне...
 Подталкивает в плечо, - большего и не надо...
 Скушно на одеяле. Страшно на глубине.
 Но мы еще в том возрасте, когда красиво и долго
 Плавают вдоль берега, отойдя от кромки на рост,
 И емкое чувство юмора (то есть, и дна, и долга)
 Надежней, чем теплоходы или трескучий мост.
 Дети взбивают пену.
 У ног бурлит перестройка.
 (Лишь бы не перестроили Расстрелли или Трезини...)
 Мы уже в том возрасте, когда раздражает бойкий,
 Настойчивый собеседник, а камушки блещут в тине...
 Когда уже не завидуют юным и бесшабашным,
 Чьи ангелы цвета какао - где чайки и облака...
 Нам - к делам рукотворным. Им - к боям рукопашным.
 Сойдемся на до свидания между прощай и пока...
 Мы уже в том возрасте, когда возвращаются
 (Только б не ускорили встречные поезда
 Там, где одноколейка...)
 и от волн очищаются
 В тихой, как совесть, ванной...
 Мыльница...
 Жизнь...
 Вода ...

* * *

А кто-то все еще рождает,
Хоть все в России дорожает,
Все, кроме жизни... Страшно жить.
Цена дыханию - копейка...
И счастлив более калека,
Не уготованный служить...

Слепцу не выдадут винтовку,
Хромой не выстрелит в литовку,
Во всяком случае, пока...
Есть вещей знак в болезни сына:
Не посягнет на армянина
Его окрепшая рука...

Присяду тихо к изголовью:
Господь больной наполнил кровью
Твои тропинки, чтобы мне
Сквозь слезы радоваться втайне:
Ты не палач в Афганистане,
Ты не прислужник Сатане.

Ты не патрон в чужой обойме,
Ты не обрубок в яме бойни,
И, сколько нам снегов и снов
Прольется - примем без обиды.
Благословенны инвалиды
В стране, крестовой до основ.

Безумицы! С прощальной лаской
Склоняться надо над коляской...
(Ох, наше русское авось...)
И, может быть, в трубе подозрной
Как Спас от гибели позорной
Чернобыль светится насквозь...

* * *

У залива лежать терпеливо
Или молча бродить вдоль залива ,
Никаких тебе радиоволн,
Не догонят газетные сплетни...
Этот август, быть может, последний...
Видишь лодку, а видится - чёлн.

Безмятежно насквозь голубое
И, Бог знает, что будет с тобою:
Может голод, а может тюрьма...
Но купается ветер в рубахе -
Забывается о Карабахе
И о том, что еврейка сама.

Только тем-то и счастливо детство
Было, что подносило в наследство
Столько неба до края земли:
Совестливые луковки эти,
И восточную сказку мечети,
И готических стрел журавли...

Не грешила походкой монаршей,
Становилась печальней и старше,
Постигая российский курьез.
И своя проступала порода.
Да, тюрьма для любого народа,
Но - свеченье вечерних берез...

Врачевала мне родина душу,
Искалечив судьбу. И не трушу
Перед новым порядком вещей.
Но артерии с кровью - границы...
Как бы, Господи, нам не напиться
Из кровавых народных борщей...

Ишь ты, Ванда, Кассандра, Сивилла,
И саму-то подымут на вилы
Взбунтовавшейся пьяной толпой.
Даже выше согласия нету:
Тот - Христу, а другой - Магомету
Сотворил пьедестал голубой.

Но шуршит золотая дорога
По воде до единого Бога,
До безумной реальности той,

Где скользишь и не тонешь по влаге,
Все равно что пером - по бумаге,
Вон и чайка висит запятой...

Но кусты, оголяясь как панки,
Шепчут в рифму: а в Вильнюсе танки?
А в Тбилиси? Гуляешь, забыв?..
Нет, недолго у нас не забыться...
Август. Отпуск. Горластая птица
Оккупирует Финский залив...

* * *

Откуда только к нам Шаггал не прилетал...
То из Парижа, то из Токио... Лиловый
Наш вечер витебский, и воздух наш еловый,
Его с горчинкой, чуть искривленный, кристалл.
О, как Россия на художника щедра:
Ей волю дай - так полпланеты обеспечит,
Швыряя гениев, как в газовые печи,-
В дыру забвения...
И ширится дыра. И не срастается... Кого не наплат
Наш воздух косвенный, настоящий на хвое,
На крови клюквенной с поземкой голубою...
Откуда только к нам Шаггал не прилетал...

ОППОНЕНТУ

Ты говоришь: Вот время говорить...
И вижу я в пылу энтузиаста
Карикатуру на Экклезиаста
И говорю: уж лучше суп варить...
Уж лучше лес валить, я говорю...
Отговорила роща золотая...
Так пусть уж слов невыпорхнувших стая
Зимует в горле, - дело к ноябрю...
Да, к ноябрю, ветшает синева...
Ты все молчал, а я все говорила:
Что гол король... Что пращур не горилла...
Что было Слово - будут и слова...
Мои слова покоились в ГБ.
Мои друзья этапный снег месили.
Мы на трибуне слове не просили:
Оно вскипало пеной на губе...
Теперь, когда и трупы говорят,
Я отдышусь под рокот ускоренья:
Послушаю, как скор на говоренье
И микрофон, и самый задний ряд...
Им что ни Время - время одобрять,
Хоть их сажай - хоть в Арктике початки...
И палачи, сменившие перчатки,
Улыбками нас будут одарять...
Так хорошо покормленный удав
Следит из клетки завтрашнюю птичку
Без мысли "завтрак", - просто по привычке,
Своим узлом природу угадав...

* * *

Мечтала хоть час посидеть одиноко у моря:
Пусть ветер-пройдоха докурит мою сигарету...
Забуть об удаче, ее подноготном позоре,
Лицо обращая к молитвенно-лунному свету.
Но вот уже вечер, а солнце являет с усмешкой
В блистательной пене - навыворот мутные складки:
Прощайся с Россией, довольно метаться, не мешкай,
Здесь все с подоплекой и каждый - в бессмысленной схватке.
Я знаю, я помню, я вижу, что я погибаю,
Таскаясь на службу, бряцая на кухне посудой.
Но снова конверты далеким друзьям загибаю
С ответом "не знаю...", и знаю, что смертна повсюду.
И так ли уж важно, затопчут в какой заварухе,
Какой вертухай не оделит живительным хлебом,
Не все ли равно сорокапятилетней старухе,
Не видевшей стран, но якшавшийся с морем и небом...

Из заметок на полях, где растут Подземные цветы Ольги Бешенковской

В начале был топор, подобный петровскому лекалу... Ржавый, с зазубринами от многолетнего употребления, кое-где затупившийся, но тем не менее сохранявший в наших глазах угрожающее сходство с орудием казни из фильма Сергея Эйзенштейна об Иване Грозном; действующий топор политико-эстетической госцензуры был занесен над этими стихами еще до их появления на свет.

Они рождались как вифлеемские младенцы под нож Ирода. Но отнюдь не с неба нисходили они - их рождали сумрачные пещерные силы, тщащиеся вырваться из родимой хтонической утробы наружу, в большой и садистически-искромсанный мир. Не этолийским медом они были вскормлены, их питали пары этила над темной тошнотворной жидкостью памяти. Они выжили, вышли победителями из жестоких предродовых схваток, и теперь эти стихи звучат как апофеоз былой творческой боли и олимпийски шествуют по нынешним многочисленным русским журналам, неся на бледных и изможденных лицах своих отсветы багровой бойлерной мглы ...

Виктор Кривулин, поэт (Санкт-Петербург)

Gedichte in zwei Gesichtern.

Параллельные стихи. Самопереводы

Briefwechsel als Vorwort

Stuttgart, 31.5.93

Liebe Olga,

es tut mir sehr leid, Sie nicht mehr getroffen zu haben, aber die Ereignisse haben sich für mich ziemlich überschlagen. Ich schätze Sie sehr, Sie haben mir auch sehr geholfen, diesen schwierigen Kurs zu überstehen. Neben meiner beruflichen Arbeit führe ich auch eine private Sportschule, wie ich Ihnen andeutete; in Ihrer Vermutung, sich um mich Sorgen zu machen, lagen Sie nicht falsch, ich hatte an jenem Wochenende einen ziemlichen Zusammenbruch.

Ich schätze Sie sehr und würde mich sehr freuen, Gelegenheit zu haben, Sie öfters treffen zu können. Ich hoffe sehr, daß wir diese Prüfung bestehen und freue mich auf ein Wiedersehen mit Ihnen,
Olga

Herzliche Grüße

Michael

... ein Jahr danach ...

Lieber Michael,

leider war ich ziemlich nervös, als zum letzten Mal mit Ihnen sprach... Das läßt sich erklären, aber meine schwerfällige Wörter wirken sehr oft verfälschend und führen in die Irre ...

... Kein Ding bleibt für mich so unvergänglich und ebenso wesentlich im dummen Leben, wie ein ungeschriebener Gesetz der Ethik, der-und-dem-laut ich mich immer gebaut hatte, und zwar: die professionellen Schulden nicht früh, sondern spät zu Hände zurückzubringen.

Ich bin Ihnen sehr dankbar für den Unterricht, ich finde Ihre Sprache tatsächlich "hoch". Daher empfinde ich dieses dünne (zum Glück ...) Heft als meine Pflichtübung ...

Die Langeweile hat mich dazu bewogen, meine alten russischen Gedichte einbißchen zu töten ...

Gnädiger Herr R-r mit seinem Kraft half mir dabei ...

Ich berichte Ihnen darüber, Michael, ohne Zweck nachzustellen, Ihren geistigen Eifersucht zu verletzen ... (Dieselbe Ethik ...)

Natürlich glaubte ich diese Arbeit besser gemacht zu haben.

Ihre Meinung könnte mir sehr teuer sein, wenn ich Deutsch wirklich beherrschen würde ...

Dafür brauche ich doch das zweite Leben ... (Wer gibt es uns...)

Ich darf nur meine Gewisse damit trösten, daß meine Kollegen ihrer Muttersprache auch sehr gerne schaden ...

mit freundlichen Grüßen,

Olga

Есть на чужбине счастье: умирать
Лицом к стене,- как над обрывом птица.
Ещё чуть-чуть, и родина приснится
И мягким снегом станет засыпать ...

О, Господи, какая благодать ...
Но, Боже, как скрежещет черепица ...

1992

Es gibt ein Glück in der Fremde, es sieht so aus:
Du schläfst ein, in der Wand vertieft sich dein Hauch.
So rastet ein Vogel zwischen zwei Untergängen auf der
Spitze:
Sein Tod ist oben - blau, unten - schwarz.
Du schläfst ein; deine Heimat liegt in der Nähe.
Sei geduldig und warte darauf:
Es löscht...
Es lichtet...
der Schnee...
Oh, Herr, was für ein Segen.

Aber doch, Gott, jedes Geräusch wie eine Säge.

Это мы-то творцы? Безнадежные сводники слов,
 Алкоголики снов и жрецы золотой эйфории...
 Оркестровый сентябрь торжествует превыше голов,
 Но латунь как латынь - к ликованию приговорили.
 Взбаламутить лазурь, - что еще на крючке карасю...
 Утопить свою желчь в желтизне, поражение в мажоре,
 Вот он, сверхреализм, без ужимок салонного 'сю':
 Разверзается штрек и пылают зрачки как мозоли...
 Это мы-то творцы? Продолбившие шахты ночей
 Аритмией сердец... Каторжане, которых не ловят.
 Но куда убежишь от прожорливых этих печей,
 Если каждый листок на осеннем ветру - Монгедовид...
 Если каждая ветвь, распрямясь в ослепительный рост,
 Осеняет, как миф, и трепещет материя духа;
 И безумная мысль подрывает Валлопиев мост,
 В темноте оказавшись клочком перелетного пуха...
 И качнется земля как нарядный пасхальный кулич,
 И над воском садов деревянные руки расправишь, -
 И плашмя полетишь.. . Не успев обрести и постичь
 Триединства любви, распростертой от кладбищ до клавиш...
 Это мы-то творцы? Мастера, усмехнусь, мастера,
 Стоговавшись с Хароном, кататься Туда и обратно,
 Где в юдоли ржаной плодородна любая дыра
 И сквозь пористый снег васильки проступают
 как

трупные
 пятна...

1982

wir sind die schöpfer doch nur die verkuppler der wörter
 alkoholiker des träumens und mönche der goldenen euphorie
 orchestrierter september beklatscht sich über den köpfen
 aber das blech klingt wie latein - zur freude wurden wir
 verurteilt
 manisches azurblau - was bleibt noch dem fisch der schon am
 haken hängt
 das ertränken der galle im gelben laub - das verlorene spiel in
 ekstase
 surrealismus ohne zierliches sur

der schacht bricht auf und augen flackern wie blutige schwielen
 wir sind die schöpfer doch bergleute in der grube der nacht
 hauer der dunkelheit durch die arhythmie des herzens
 zwangsarbeiter die niemand festhalten möchte
 und wohin flüchten vor diesen gefräßigen öfen
 jedes blatt im wind ist ein davidstern

wenn die zweige sich geradebiegen blenden die strahlen
 es segnet uns wie ein mythos und zittert der stoff des geistes
 ein verrückter gedanke sprengt die vallopiev'sche brücke
 im hirn
 und scheint in der dunkelheit wie fliegende daunen

die erde wird geschaukelt werden wie ein schöner osterkuchen
 du breitest deine hölzernen arme über den kerzen der gärten aus
 und gleitest, denn du hast keine zeit mehr zu der
 heiligen dreifaltigkeit der liebe zu konvertieren
 diese liebe die zwischen friedhof und klavier schwankt

wir sind die schöpfer doch lächerliche amateurs
 mit charon feilschende schiffsreisende pendler
 in der teigigen erde wo jedes loch fruchtbar ist
 und durch poröses licht die kornblumen wie die blauen flecken
 auf den leichen wachsen...

К ПОНИМАНИЮ ЭСТЕТИКИ

Как живописен писающий мальчик:
 Живой амурчик, парковый фонтанчик,
 Невинно-золотистая дуга...
 А девочка на корточках - лягушкой.
 И так не к месту бантик над макушкой...
 Но вдруг вспорхнет - и бабочка Дега...

А мальчик обрастет унылой шерстью,
 И голос кукарекнет на нашесте
 Цыплячьей шеи... Катится река
 Живая жизнь... И вся, до капли, тема!
 И аденома в ней - как хризантема
 Звучит, забыв, что мучит старика...

1983

zum verständnis der ästhetik

so der knabe, der bildschön in's gras pißt
 der kleine amorengel schießt einen steinernen brunnen
 in den park
 einen unschuldig goldenen bogen
 doch das mädchen hockt mit sprungbereit gespreizten beinen
 wie ein frosch
 auf ihren haaren eine lächerliche schleife...
 unerwarteterweise erhob sie sich als ob sie flöge -
 ein schmetterling von degas

trotzdem wird dem knaben seine langweilige wolle wachsen
 und die stimme auf seinem hals krächzen

der fluß rollt sich selbst weiter -
 das lebendige leben -
 ein einziges thema
 bis zum allerletzten tropfen

das adenom klingt wie die chrysantheme
 es vergaß
 daß es den alten mann quält

1994

Ветви подтягивать - дерево, будь благосклонно?...

Плод пожирать, обломав мимоходом суставы?

Пусть уж подразнит - и свалится в ноги устало

Или висит неприступной луной Вавилона.

Были бы зренью осенняя скорбь силуэта,

Неповторимость зигзагов, таящихся в кроне.

Тень, обогнавшая ствол, уводящая в корни

Мимо соблазнов и натисков щедрого лета ...

1979

die zweige nach unten ziehen -

sei wohlwollend zum baum

sein gelenk kaputt machen

um frucht zu fressen?

laß ihn necken und müde zu den beinen fallen

oder wie der babylonische mond unerreichbar hängen

wäre dem augenlicht die herbstliche trauer der silhouette gegeben

unwiederholbarkeit der zickzacklinien

versteckend in der krone

ein schatten der seinen stamm überholte,

an der versuchung und dem ansturm

des sommers vorbei führt

1994

Босиком по осоке беды -
 Обернётся песок бархатистым.
 От еловой закатной воды
 Веет гофмановским романтизмом.
 Вкус полынный губами беречь,
 Под шумок отдаваясь от центра ...
 И природа, родная как речь,
 Удивит незнакомым акцентом ...
 Привыкай, понемногу, душа,
 К захолустью, к безлюдью, к пейзажу.
 Так зелёные залпы, шурша,
 Опадают. Не фруктом в продажу -
 В почву, в корни, в себя, в черновик.
 Переможется - переведётся.
 В спазмы - буквы, в молчание - крик,
 В одиночество - миг превосходства ...

1979

barfuß über das gläserne graß des leidens

sand erweist sich als samt
 vom fichtenen seewasser bei sonnenverfall-
 Hoffmannsgeist.
 bitterer nachgeschmack zwischen den lippen bewahren,
 vorsicht, sich vom zentrum entfernt halten-
 und die natur, die leiblich wie muttersprache,
 überrascht mit unbekanntem akzent
 gewöhne dich, meine seele, allmählich

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

Как в сквозной березняк забредаю в стеклянную будку

И не в трубку, а в рупор негнущихся пальцев ору ...

И монетка - озябшее лунное пятнышко будто,

И "алло" в телефоне - моё городское "АУ".

И просторно, и тесно, светло, и морозно, и странно,

В зимней графике стёкол -

в условных берёзах легко ...

Где вы, люди? - Алло !

Мне без вас и прекрасно и страшно.

И далёкий гудок

очень долгий гудок

будто поезд прошёл

далеко -

далеко -

далеко ...

1978

telefonzelle

wie in den durchziehenden birkenhain -

in stimmungsvolles glas eindringen

und rufe ins megafon dem starren finger zu

münze - ein mondflecklein

"hallo" - "S-O-S"

es ist kalt, geräumig, gedrängt, seltsam, leicht

mitten auf der wintergraphik - unter imaginären bäumen
- mensch, hallo ...
mir schön und angsthaft alleine,
 schrecklich gut
kein anschluß unter dieser welt
nur langer klang-
 sehr langer klang-
 wie der zug
 weit-
 weitere
 und so weiter-
 versäumte-

1994

Ты выходишь из дома - и дом
 За спиной погружается в холод.
 Вся нелепость бессмертия - в том,
 что оно после смерти приходит ...
 Беспощадные стрелки судьбы
 Замерзают на цифре 12.
 На остывшие мысли и лбы
 Запоздалые лавры ложатся.
 Но пока ты идёшь, но пока
 На тебе согревается куртка ...
 И за пазухой бьётся строка ...
 И мечта о бессмертии сладка,
 Как запретная горечь окурка.

1964

Du gehst aus dem Haus, und dieses
 versinkt, denn es ist recht diesig.
 Das Dumme an der Unsterblichkeit:
 solange man lebt, ist sie weit.
 Des Schicksals Zeiger verharrt
 auf der 12, es gibt kein Erbarmen;
 die Stirn, das Denken erstarrt,
 von verspätetem Lorbeer umfassen.
 Doch solange du gehst, solange
 erwärmt sich an dir dein Kittel...
 Im Busen Versgeraun...
 O dieser Unsterblichkeitstraum,
 so süß wie die bittere Kippe.

1992

А жизнь - всего лишь форма ностальгии
 По жизни, где какие-то другие,
 Сиреневые, может быть, дома ...
 И дерево мертвецкого оттенка
 Как демон вырастает из простенка;
 Встряхнётся - и зажмуришься: зима!
 ... Забыться в человеческой породе,
 Копаться в чёрно-белом огороде
 Своих бесплодно-каторжных трудов,
 Где виденье сливается с виденьем,
 И капает качнувшийся светильник
 Горючим воском стынувших садов ...

1972

Das Leben: eine Art von Sehnsucht

nach einem Leben mit anderen,
 vielleicht lila Häusern...
 und aus der Hauswand wächst ein Baum -
 ein Dämon, leichenblaß;
 er schüttelt sich - du blinzelst:
 Es ist Winter! ... Vergessen suchen
 in der Gattung Mensch,
 sich tief vergraben
 im Schwarz - Weiß - Gemüsegarten
 seiner Sträflingsarbeit ohne Frucht,
 wo Augenschein sich mischt
 mit der Erscheinung,
 und wo vom schwanken Leuchter
 das heiße Wachs
 der kalt gewordenen Gärten tropft...

1992

Übersetzung aus dem Russischen von Kai Borovsky

* * *

Нет ничего превыше откровенья
 Ночь напролет скрипящего пера.
 Семей и дружб разорванные звенья -
 Не брызги бус, отыщутся с утра...
 Как дерзкий гость, срывает вдохновенье
 Покров с души и ниточку добра...

Все совместимо: горечь и злодейство,
 И семь грехов под пьяную слезу.
 (Ища моторчик, творческое детство
 На части рвет живую стрекозу...)

Как хорошо, что мы еще внизу
 И в небо нам как в чистый лист глядеться...

Грибок часовенки, сосновый ли костел ,
 Все будем прощены, кто, главное успея,
 Оплачет жертв своих , святой, как Фридрих Шпее,
 Жизнь проводя - как ведьму на костер...

1981

1981

es gibt keine höhere offenbarung

als eine die ganze nacht knarrende feder
 familie und freundschaften zerreiЯende kettenglieder
 sind keine tropfen von halsketten
 (und werden morgens gefunden)
 wie ein frecher gast wirft zur gewalt bereite inspiration
 die decke von der seele
 wie auch das fjdchen herzensgьte

alles ist vereinbar: das bittere und die missetat
 sieben sьnden unter betrunkenen trьden

die suche nach dem kleinen motor,
 die schцpfung der kindheit
 zerfetzt die lebendige libelle
 wie gut daЯ wir noch unten sind
 und im himmel die weiÙe liste betrachten дьrfen

der pilz der kapelle oder ein spitzer apostolischer
 kiefernturm
 alles wird verziehen wenn man das wichtigste getan hat:

seine opfer beweint,
sein leben wie eine hexe in's feuer geführt
so heilig wie friedrich spee

1994

* * *

Чем о несвершившемся жалеть - лучше о содеянном вздохнуть,
Ибо безнаказанно кишат чертики в мятущейся душе...
Лучше уж, зажмурившись, украсть и, светясь отчаяньем, уснуть,
Чем безумной кистью ворошить спутавшихся мыслей вермишель...
Ибо, и повторенный водой, Спас не на воде, а на крови,
Ибо глубине колоколов мало отраженных децибелл...
Если риторический господь скажет: 'Прегрешенья предъяви',
Жарче сатанинских векселей нехотя краснеющий пробел.
Тем и отличается поэт, что не дожидается Суда,
Ибо от подкорки до листка в корни искривления проники:
Цепкие фаланги мертвецов, Гретхен, и процентщица-судьба,
Было... И на кончике пера - крови на урановый рудник...
Ибо есть сознание вины и сознание, пьяное вином
От своей же бухнувшей лозы, - как прыщавый отрок, торопясь
Из глухой вакхической листвы в теплый мрак свиданья с полусном
Где сольются родина и боль в сладкий стыд, в мническую связь...

1984

besser als sich im traum zu bedauern ist es
etwas zu verbrechen und seufzend zu beichten
da die teufelchen allesamt in der beschämten seele tanzen...
besser zu stehlen mit zugekniffenen augen
und mit dem inneren licht der verzweiflung einzuschlafen
als mit dem verrückten pinsel die nudeln der verwirrenden
gedanken zu rühren...
da die sich wiedereinholende kirche nicht am seeufer sondern
am blut steht
da die dezibel der glocken tiefe widerhall zu dürr...

wenn der rhetorische gott sagt: zeige mir deine sünden vor
dringlicher als satans wechsel
wird eine weiße seite widerwillig erröten

der dichter ist ein verrohter mensch
der nicht auf seinen richter wartet
da des gehirns borke den krummen stamm bis ans letzte blatt
durchdrang:
die fassenden finger der leichen, gretchen, die wucherin -
das schicksal

es gab's schonmal
und auf der federspitze so viel blut
genug für die sträflinge im uran

schuldbetrunkenes bewußtsein und weinbeleuchtetes
verständnis
von geschwollenen ästen wie ein pubertierender junge
beeilende aus staubigem baccischem laub in der warmen
dunkelheit
eilen zur begegnung im halbschlaf
wo die heimat und der schmerz zusammenfallen
in der einen süßen peinlichen empfindung
der selbstgenügenden verbindung

1994

ПОСЛЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ...
(футурологические стихи)

Щуплый спекшийся китаец
С покосившимся лицом...
Я на грудь ему кидаюсь,
Руки - бешеным кольцом!
Он как зверь на водопой:
Весь дрожит и дышит...
И как азбуку слепой
Позвонок звенящий мой
Жадно в пальцах слышит...
Что-то сыплется... Хвоя?
Прах ли Эйфелевой башни?
... Родинка, Земля моя,
День твой завтрашний ...
Вчерашний
Вычеркнут.
Я помню лишь
Алый свет, затмивший белый...
Крестом обуглившимся тело,
И - оглушительная тишь ...

... И день ли, век ползу по шару -
В глазницах пусто и темно.
Земля кругла. Все, что мешало

Поверить в это - сметено.
 И ни знамен, и ни Знаменья,
 Ни даже Ноева зверья,
 Лишь в рубище местоименье-
 Обезображенное Я...

Уже никак, уже ничком.
 С корней соскальзывают пальцы...

... И вдруг - последним Земляком
 Под закопченным потолком,
 О, чудо - мумия китайца!
 Шевелится... Шипит...
 О чем?
 Что словари, буквально зная:
 Есть камни - будет и очаг.
 Пойдем, последняя земная!
 Единственная на Земле...

И что-то снова ноет слева...

... Омоюсь в озере, и - Ева,
 Сияющая на золе!

Futurum III (nach dem dritten weltkrieg)

ein schwächlicher oder vertrockneter chinese
 mit krumm gewordenem gesicht
 ich springe ihm an die brust
 meine hände - ein verrückter ring

er - wie ein tier am quellwasser
 der ganze körper zittert und atmet
 und hört mit dem finger
 meinen klingelnden wirbeln habsüchtig zu...

etwas schüttelt sich...
 ein nadelbaum?
 der sterbliche staub des eiffelturms ?
 du bist ein muttermal mein vaterland
 das ist dein morgentag (und letzter rand)

gestern ist schon gestrichen...
 ich erinnere mich nur an rotes licht
 das die ganze welt übergöß
 mein leib - ein verkohlendes kreuz

in der mitte der stille, die betäubt...

ein tag oder ein ganzes jahrhundert -
kriechend über die erdkugel
in den augenlöchern - rabendunkel und menschenknochen

die welt ist wirklich ein ball:
alles was uns daran zu glauben störte -
zerstört

keine fahnen mehr und keine zeichen von gott
nicht mal eine schlange auf dem rettenden floß
ein pronomen steckt in der zerrissenen kleidung bloß
mein verkrüppeltes "Ich"
jedoch kletterte ich
die finger krallten sich in die stämme
(der bäume, der wörter)
und jetzt überrascht:
wie eine laterne in der wüste -
der letzte landmensch
oh, irdisches wunder: der lebendige chinese
skelett der ameise
bewegt sich...
 zischt...
 worüber ?

was bedeuten die ganzen wörterbücher
einer ausgestorbenen welt
es gibt diese steine - es wird feuer
komm, meine einzige frau
(in diesem fall ist die wahrheit zufall)

und etwas kratzt links,
wo früher mein herz war...
ins meer
und - ich bin eva
die strahlende auf der asche

Предчувствие,
 чтение книги - насквозь -
 консервы вскрывающим взглядом ...
 О, пляска плафонов, и занавес - вкось,
 и белые шепоты - рядом ...
 И ясный торжественный холод в лице -
 Сползающей в чёрное льдине ...
 Мы знаем в начале, что будет в Конце,
 Но целя жизнь - в середине ...
 зелёных созвездий бутылочный звон -
 Листва обгоревшего древа ...
 (В дальтониках числись, коль зрячим рождён,
 И Душу имеющим слева ..)
 О, свет безысходный, который прольёт
 Лицо, погружаясь в болото ...
 Но если становится догмой полёт,
 Откуда же - чувство полёта? ...

1979

ein vorgefühl
 das durchleben mit dem konservenöffnenden blick
 (die luft zwischen buchstaben - blau und nicht so dumm ...)
 der betrunkene kronleuchter
 die gardine-schräg
 und das weiße geflüster herum.
 klares kaltes feierliches gesicht -
 eine eisscholle die über die nacht scheint

und zur Hölle abrutscht
 wir wissen vorher was danach kommt
 aber wir haben zeit
 mitten in frierender existenz -
 Moulin Rouge!
 der grünen sternbilder flaschender klang -
 das laub des lebens, das abgebrannt
 (steh in der liste der blinden,
 der weitblickend geboren!)
 ich kann mir vorstellen:
 ein champignon -
 mein körper versank - und schreit
 mit weißer stimme ...
 ein nachgefühl ...
 so hoch war ich mal,
 so breit ...

1996

* * *

Ничем не удивишь: ни смертью, ни Джокондой
 Того, кто видел пляж летейских берегов...
 Повесят ли на крюк, иль вынесут из комнат ,
 Не лучше ль скрестный блеск, осенний Петергоф? . .
 Где весь восторг и свет, искрящийся в фонтане,
 И крона, и дворец легки, как за чертой...
 И живопись Творца, где мы на заднем плане,
 Тем только и жива, что влагой золотой...
 Не лучше ль в Петергоф, где белки не пугливы,
 Покуда на шедевр не выдрали хвоста;
 И вторят за спиной приливы и отливы
 Фонетике разлук от люльки до креста...
 Где, умник, помолчи о стоне суггестивном,
 О колере травы и тяжести долгов,
 Затеплив, как алтарь, касаньем совестливым
 Воскресный, восковой, версальский Петергоф...

1986

was setzt mich in erstaunen: der tod oder gie gioconda?
 strand am styxufer sah ich schon mal ...
 man hängt mich an die Wand oder wirft mich ins feuer -
 alles läst mich kalt
 außer: kreuzesglanz des Petershofes!
 (hoffnung und angst - ein erschöpftes girokonto)
 funkelnde begeisterung und licht der brunnenbäume
 ein gipfel des palastes - jenseitsleicht ...
 göttliche malerei, wo wir im hintergrund träumen,
 sie lebt noch - goldene feuchtigkeit sei dank ...
 (unsere körper sind unbequem als lebensräume).
 lassen wir uns zum Petershof spazieren - wehen !
 die eichhörnchen fliegen unscheu - sind wir ein gespenst ? ...
 für den pinsel wird dein schwanz
 herausgerissen sein,
 mein kleiner freund ...
 ich verlor meine haare mit meinem kopf
 für die schönheit der welt
 (kindische frage: wem tun die schmerzen weher?)
 hinter unserem rücken
 wiederholen ebbe und flut
 die phonetik der trennungen
 Schweig, kluger,
 über suggestion (erde und blut ...)
 über die farbabstufung des grasses
 über das steingewicht unserer schulden ...
 erwärme wie der altar
 mit einer gewissen betroffenheit
 am Sonntag den wächseren Petershof -
 geschenk vom geschick.

Зачем пейзажем берем
 Своё, надломленное, сирое?
 Ответный взгляд необходим?
 Обмен спасительными силами?
 Чужой беды зеркальный свет?
 Напротив, промельк звонкой клавиши,
 Внезапный, как велосипед
 На склоне осени и кладбища?
 Светись, пронзительность берёз,
 Эскизно робкая и частая!
 И созерцание до слёз -
 Уже на грани соучастия ...
 Природа тем и хороша,
 Что рядом видно далеко её ...
 Смотреть и слушать ... Не дыша
 Не унижая аллегорией ...

1978

wozu das leiden mit der landschaft noch mehr berühren,
 etwas einknickendes in uns drin verwundend zu salzen ?
 brauchen wir einen mitleidigen blick
 aus dem laub zu fieschen?
 bittet und bettelt der Mensch
 oder kann er anbieten:
 “nimm meine rettenden ströme, kranke natur!“?
 freut ihn das ähnliche innige licht
 des fremden unglücks?
 doch - umgekehrt -

hört er lachende tasten des festes
 - so überraschend als ob
 ein fahrad vom bergfriedhof
 in den heiligen herbst
 pfeift -
 wie teufel und engel zusammen ...
 haltet eure laternen im nebel,
 durchsichtige birken!
 die betrachtungen bis zur nacht und zum weinen -
 kein mitleid; es ist eine langsame mitteilung
 ohne allegorie ...

1996

(Из поэмы 'Монологи' по мотивам оперы 'Иисус Христос - суперстар')

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот опиум,

 опиум,

 опиум

Богохульства

 и богоискательства ...

Даже джаз апеллирует

 к операм,

Даже если

до пошлости

скатится.

Эти джинсы,

границ не признавшие,

Обтянув полушарья

нахальные,

На гробах

истерично

плясавшие,

Тоже в партии вступят

вокальные...

Поколенья, лишённые музыки,

Оглушённые разными красками,

На войне сокращаясь

как мускулы,

Возвращаются

к пройденной

классике.

Нищетой отрезвит

изобилие,

Молоток

над распятыми -

“продано!”

... Но когда открывается

Библия

Как Америка -

изгнанным Родиной ...

Но когда открываются

ранами

Незажившие

древние

истины -

Значит, всё-таки

телеэкранами

Не закрыли

последнего

листика.

Будь берёзовый он

или фиговый -

Упадёт в перегной

для грядущего.

Но когда над единою

книгою

Космонавты согбенны

и грузчики ...

Эти анекдотичные

бороды,

Эти речи -

каскады нелепости ...

... Но когда воскресает

аккордами

Первый узник,

замученный в крепости

Не имеющий стен,

и сколоченной

Без гвоздя;

но когда сочленяется

Супер-смертник,

печальный,

всклокоченный,

И случайно

везде

сочиняется, -

Значит стоило первым помучиться,

Значит мир

созидается

заново,

Что получится - то и получится

Под лазурно-рябиновый

занавес...

1979 Aus dem Poem
'Monologen' nach Opera 'Jesus Christus Superstar'

Dieses Opium
 Opium
 Opium
 der Blasphemie und Gottessucherei
 der Gott-Dienst und Keingoldverdienst
 Geisteshunger - Gottesbäckerei,
 Selbst der Jazz operiert seinen Klang,
 um Opera zu werden.
 Jeder Rabe will wie ein Rabbi
 sich an das Volk wenden.
 Unsere Erde - eine Schallplatte,
 eine weinende Fläche,
 rollt uns,
 bis Übelkeit herabwältzt
 (Wessen Auge schmilzt ?...)
 Diese Jeans, die frechen Jeans
 überschreiten die ganzen Grenzen,
 Umgreifen dreist
 beide Hälftarsch - beide Halbewelt.
 Auf Gräbern
 tanzen sie besessen
 gegen Gewalt -
 ein hysterisches Los -
 ausgewählt ...
 Von geistigen Geigen entblößt sind
 die Generationen,
 betäubt von Fabriken der Farben,
 im Krieg verkümmerte Muskeln,
 aufbäumen sich die verletzten Musiker,
 kehren zurück zur verratenen Klassik -
 doch -
 Lebenslauf der Erde - fette,
 von Würmern zerfressene Schichten.
 Der Überfluß ernüchtert und
 bringt zum Weinen:
 Ein Hammer über den Gekreuzigten-

Auktionsverkauf der Geschichte:
Heiliges Leiden

Strahlende Nägel
Edle Steine -

doch-

wenn die Bibel
sich öffnet

wie Amerika,

den von der Heimat Verjagten ...

wenn über einem einzigen Buch

die Flugzeugführer und die Dreckvonderstraßeschmeißer
brüderschaftlich gebeugt ...

wenn

die Bärte aus der Haut fahren -

was bedeutet es?

Es bedeutet, daß

dennoch nicht

das letzte Blatt vom Letzten Wald

durch die Fernsehkiste versperrt sein wird.

Lassen wir uns verwunden!

Lassen Sie sich verwundern!

1996

Я смерти не боюсь. Она во мне гнездо

Давно уже свила и тихо ждёт погоды ...

... Но осени осин смущённое бордо ...

... Но звезд стрекозий блеск ...

... И так проходят годы ...

1996

Vor dem Tod habe ich keine Angst,
 Sein Nest hat er mir schon gepflegt
 ... Aber: Der Herbst ... rote Befangenheit ...
 ... Aber: Der Stern ... glänzend, libillenleicht ...
 Vor dem Tod haben wir keine Angst.
 Hättest du Zeit - sterben du ruhig kannst...

1996

Briefwechsel als Nachwort

Westdeutscher Rundfunk Köln

12.10.95

Redaktion Monitor

Sehr verehrte Frau Beschenkovskaja,

vielen Dank für Ihre Zeilen und die beigelegten Gedichte, über die ich mich sehr gefreut habe. Ob "deutsche Dichterin" oder "russische Dichterin" ist doch völlig egal, Hauptsache gute Dichterin und das sind Sie ohne Frage.

Ich wünsche Ihnen und mir, daß bald ein Sammelband mit ihren Gedichten auf deutsch erscheint und werde Ihre weiter künstlerische Entwicklung in unserem Lande mit Sympathie und Aufmerksamkeit verfolgen.

Mit den besten Grüßen

Ihr

Dr. Klaus Bednarz

Landeshauptstadt Stuttgart

8 Januar 1996

Der Oberburgeimeister

Sehr geehrte Frau Beschenkovskaja,

vielen Dank für Ihre freundliche Zeilen und die Übersendung Ihrer gelungenen Gedichte.

Auch ich wünsche Ihnen für das Neue Jahr alles Gute und verbleibe mit freundlichen Grüßen

Dr. Manfred Rommel

Дорогая Ольга!

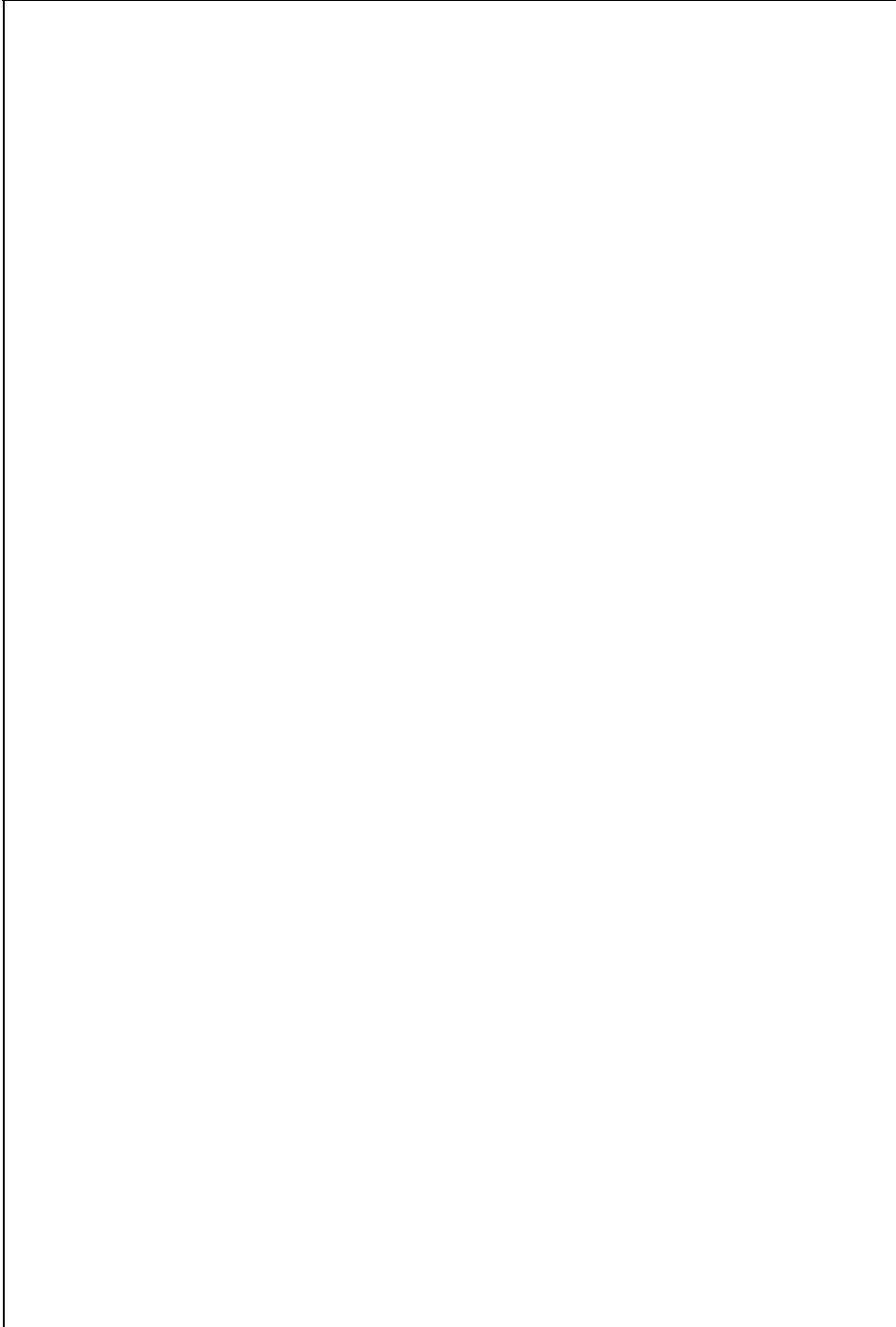
Твои немецкие стихи постепенно превращаются в дивные сны. Особенно выразительно 'Futurum III'.

Твой Вольфганг

Dr. Wolfgang Schlott

Universität Bremen 15. 11. 1995

Kleine Kehrwoche

Zimmer 514

**keine Sprechstunde
Ich dichte !**

monDtag - freiERtag

k
e
r
l
| **nente**
ver - kehrwoche
 nende

“ ... ein großes Problem bei uns ...
Schwaben - so soll ich Ihnen sagen;
da ist eine schwäbische Putzfrau
genauso arrogant wie ein einfacher
russischer Präsident ...

... und ich versuche gewöhnlich
darüber zu lachen, worüber ich
weinen könnte ...“

(aus meinen Brief an einen Freund)

Also „kleine Kehrwoche ...“ Die „Große Kehrwoche“ kann ich noch
nicht: 1993 ... (Eine große Arbeit muß man reifen lassen.) Heute
kann ich schon fast deutlich zurückdenken ...

Ich bin in Deutschland ein Kind, ein Sprachenling der Sprache.
(Wer weiß, daß ich eine bedeutende russische Dichterin bin ? Das
war im vorigen Leben ... jemand war eine Katze gewesen,
gestorben und wurde noch einmal als Maus geboren ...)

Um mich herum flüstert, tuschelt, klatscht eine Provinz. Die echte
Poesie ist von hier so weit entfernt, daß nur einige seltsame
Liebhaber den „Faust“ bis zu Ende geblättert haben ...

Die Leute scheinen mir dreimutig und augenlos zu sein.

Der erste Mund haben sie zum Vernehmen (gerade im Flur ...) -
„Warum sind Sie gekommen? Von wem sind Sie gekommen? Bis
wann werden Sie bleiben?“

Der Zweite zum Essen, um gut, fleißig zu essen: genießen Ihre
Zwiebelsuppe, als ob die „Gioconda“ wäre ...

Und der Dritte - zum Prahlen, zum Beneiden und zum Klatschen.
Wenn eine Gestalt den Wohnraum oder den Zeitraum schon
verließ, äußern sie über sie besonders gerne .. Es geht genauso,
wenn es um eine Nachbarin oder um Yoghannes Wolfgang Goethe
geht ... Für die Kleinen der Welt bleibt es sehr süßlich, der Großen
der Welt an den Fersen zu beißen ...

Die Kleinen freuen sich dabei: „Es ist aber kein Denkmal! Er hat
seine Schwäche! Er ist genauso niedrig, wie wir !“

Doch! Ihr seid Tiere, und er - ein lebendiger Mensch, obwohl er
schon starb ...

Leider können viele Hasen zusammen ihn einfach auffressen,
wenn er zu seinem Unglück noch lebt ...

Oh, Weisheit der Sprichwörter: „Die Perlen vor den Hasen werfen - Vor ihren Pose - aus dem Porzellan - Nasen ...“

Aus Prinzip mache ich so immer und - warte ...

Hier traf ich nur einen einzigen Menschen, der ganz normal aussah: stolz - und bescheiden, scheu- und freundlich, ehrlich, fein, überempfindlich in gutem Sinne: empfand das Wort mit dem ganzem Körper...

Er sagte mir, er sei vielleicht verrückt ...

Und ich sollte mich als ein unfertiger Mensch umsomehr fühlen, denn ich da fremd war ...

Точно также чувствовал бы себя, наверно, скажем, обескураженный Рильке, окажись он волею судьбы где-нибудь в российской или нет - украинской хуторной волости, где всеми любимые деревенские дурачки заполняют своими графоманскими прибаутками брешь в так называемой культурной жизни. Они поили бы его по праздникам водкой, одобрительно похлопывали по плечу и учили сочинять стихи ...

Впрочем, что-что, а учиться мне нравится. Всегда и всему. Ученичество даёт как бы ещё одну попытку детства, попытку жизни ... Solange ich im Leben werde - werde ich lernen ...

А может быть мне надо назвать эту тетрадь так: "Wörterbuch eines Laien" Только перевести это название на русский более безобидно: Не словарь профана, а, скажем, словарь простофили ...

Потому что некоторые глаголы и прилагательные существуют только в моём собственном немецком языке. В немецком немецком их нет ... Но сконструированы они по законам немецкой грамматики и детской фонетической логики.

Z.B. ArbeitsUrlaubnis

oder

zum BeiNspiel

Also

Anstatt zu sprechen, schreibe ich.

Ich schreibe nur, um Deutsch
zu lernen.

Ich spiele mit Wörtern - wie man mit Puppen spielt.
- Und lasse Puppen tanzen !

Und ich fühle mich glücklich und stolz,- ich bin eine
NEBELpreisträgerin.

ohne die Haut anzuziehen
aus dem haus zu gehen
ist lebensgefährlich
jedes wort verletzt
jeder blick kratzt
rohes fleisch - die blutung der blumen
stell du dich nicht so masochistisch an
das schneidende wetter macht dir keinen spaß
meine katze hat einmal einen spatz gefressen
aber sie fliegt trotzdem nicht
es ist zum lachen
einem echten dichter
nachzuahmen
das sterben ...

Es redet ...

Das Wetter im Zimmer -
ziemlich langweilig

Da hängt ein betrunkenener Wind
einen Schatten vom Bild an die Wand

Dies' Bild soll im nächsten Jahrhundert
von Cranach geboren werden und heißen:

'Heilige Arbeitslose beim Biereslicht
fixen Ihre Idee am Gleis Null'

Es ist realistischer
als die Nachbarin an der Tür:
'Vergessen Sie nicht Ihre Kehrwoche'

Zum BeiNspiel

Lyrikamt

Eine armfüßlerische Sekretärin

(langbeiNliche Arbeit ...) :

- Seit wann sind Sie talentlos?
- Aus welchem Grund küßt Sie die Muse nicht mehr?
- Kindergeld beantragen die Dichter nur ab 70,
mit 22 - Ewige-Ruhe_hilfe und Verführungsversicherung
Atembestätigung und Empfindungspaß mitbringen!

Lyrikamt.

Seelen-Ordnung-Straße ...

freitag

unsere zeit

süße kühle im bauch

zu verraten und zu betrachten

die ganze stadt durch

wie dein glas am tischrand zittert

meine seele wurde auch dafür geblasen

um immer zu schwanken

nach unten zu fliegen

zu weinen mit wein

und einer lachenden lache

am boden vertrocknet zu sein ...

geburtstag sollen die eltern feiern
 sie erinnern sich an einen gebuMstag
 das süße ergebnis
 badet den bart im wein
 hört der ewigen schallplatte
 der zärtlichen dummheit zu
 und denkt:
 wozu zu sein ...
 ein kind ein denkmal
 der menschlichen tugend
 verkörpert menschliche sünden
 um sie weiter zu schicken
 genauso logisch wie die ganze bibel -
 der beste aller abenteuerromane
 der ventilator dreht und entpuppt sich als seraph
 während sein hauch
 unsere familienalbusen
 neugierig umblättern

Katzenjämmer
 des weckers laut
 die augen aufzumachen
 mit dreck im mund und glocken in den knien
 mürrisch gähnend zu überlegen
 sich waschen
 oder in der bettwäsche für immer begraben
 (riesenfrage vögelt die ohrenlöcher ...)
 es wäre besser
 sich bis zum quarkesgehirn zu übergeben
 aber mein klo sah bei der nacht so lilienblitzend aus ...
 dekadentisches leiden
 die auswahl der dekorationsmalerei des todes
 ich verlange ein so herrliches bild
 daß der ratlose gott
 meinen jammer
 wieder verlängert

Krebsgratulation
(zum geburtstag einer krebsin)

meine liebe leber
 ich schenkte dir eintausend bier
 mein vehrerter kopf
 ich fütterte Sie mit salz der gedanken
 bei der nacht auch
 und löschte das störende licht
 wenn Sie mit einem genannten Gespenst
 sich unterhalten wollten
 meine undankbaren lungen
 ihr freßt den rauch des grasses so eilig
 wie ein großes land ihn
 nicht produzieren kann
 ich sagte nie:
 das ist zu teuer
 ein armer muß sparen
 was fehlt euch denn eigentlich..!

Für Gäste
 eine hausgebackene philosophie
 (gute worte und gesten)

sie können die zutaten von Nietzsche
 einschichten und mit Stolz und Fehlern
 pikant abschmecken. Die Bibel
 blanchieren und zum heute häuten.
 Goethe schneiden, Hegel vermeiden,
 Freud und Einstein waschen, putzen
 und gleichmäßig träufeln - verteufeln...
 Dürrenmatt fein abziehen und
 auch in einem Kopf zerlassen ...
 (Die Namen können sie
 beliebig tauschen -
 immer passend ...)

Mischung in Wein ablöschen
 alle Tassen im Schrank finden
 - und einfach servieren ...

langsam fing ich an
mich zu gewöhnen
meine äpfel sind immer grün
meine ampel rot
auf diesem weg
 einen falschen zug umarmend
 einen falschen mann zu erwarten
das heißt poesie

sei zerstreut
 daß bedeutet sich auf leben und tod
 zu konzentrieren
deine augenteller klingeln verwundert:
die bäume wachsen vom himmel nach unten
die züge fahren zurück ab
die menschen lamentieren darüber
 kratzen die luft
winken beim trennen mit ihren lustigen schwänzen
nur ein künstler kann diese erde
in ordnung bringen

die steine - brot der geschichte
welche zähne sollen wir haben
um sie zu beißen ...

waren wir oder würden wir geboren
das vergaßen wir schon
kamen wir von eltern oder durch sie
wer weiß das genau

gott hat die nächste sprechstunde
 nur am monDtag

Ich liebe dich so hoch, so tief, daß ich
mit ersten Besten übernachten könnte -
artikel fehlt, weil ich gefallen bin ...

so sank das schiff, wie es erheblich war ...
/die ausnahme ist wie oft die regel/

Es regnet
Er regt sich auf
 /auf - ge- regnet ?../

Er quoll ...
Mein tier, mein schatz, mein apfeldieb,
den ich gestohlen habe /gott sei dank/

er legte sich auf dem weg
ich habe ihn gefunden
und alles - weg ...

Und schweigt mein stern im schrank.

Die schatten schämen sich und sind verschwunden

-nimm!
-was ?
- nimm, idiot, den dichten garten;
der ganze wilde garten - er ist dein

/schnell grabs, das schwein .../

 /... Du wirst, mein Lieber, schätzen und umarmen
 nur einen kalten stein .../

- lebst du auf dem bahnhof,
hast die geschlechten schmerzen ?
Ich brauche sofort,
ich gratuliere mir!
oh, ich bin kostenlos
 nicht doch von gutem herzen

vom schwarzem

Cafe? Wein?

/erhole dich, dummkopf .../

Eine Schlange ist umgezogen:
sie zieht die glänzende Haut

hauch und haare
hauch durch haare
haut
 hauch
 bauch

-ich beiße dich ? -

Der Tod tut weh manchmal /dem blebenden .../

Entschuldigen mich bitte,
 mein gnädiger Schlaffsack:

ich sollte sagen,
daß meine beehren nicht nur süß doch auch giftig sind,
mein rettungsring ertränken kann
 /oh blind .../

verstehst du nicht?
 Zum glück ...

Und um so mehr -
es ist egal:
 ans kreuz,
 ins meehr,
 unter den wagen ...

Licht? - Und auch nicht so wichtig ...
Vielleicht mein stern,
 den ich versteckt - verlohren habe,
sucht mich

und schaut an,
und stört,
und hilft
und schlägt ...

Wenn ich den Stoß empfinde, lebe ich ...

Ich sage mir zufällig: 'Guten Mörder' ...

Ich war gestorben, wurde operiert und werde sein ...

_ Schnell kratz um dich, das schwein ...

es hört mich nicht
und schläft ...

.....

Übung
 mit einer echten Frau
 und vielen modalverben

(Deutsch von Ausländern)

Eine echte Frau soll sich scheiden lassen
 Eine echte Frau muß gebraucht sein
 Eine echte Frau kann zu jedem passen
 Eine echte Frau sagt zu jedem „Nein“
 Ordnung bringt in Chaos eine echte Frau
 Immer will vergessen was sie schaffen muß
 Eine echte Frau darf vermeiden: Haus
 Wo sie hören müßte „Oh, mein Schatz“ und „süß“
 Eine echte Frau mag die ernstesten Sachen
 - Bus - und Betten -Tage nur in Goetheslicht ...
 In der Küche kocht sie abends sich das Lachen
 Findet sich im Himmel - und verliert Gewicht ...
 Eine echte Frau darf man immer werden
 Kann man selten bleiben soll man dennoch sein
 - Wiederhole lustig diese Modal - Werbung
 Aber nicht zu fleißig ..
 Besser - Nacht und Wein

Ein Wintermärchen

Der Schnee bei der Nacht - die Tasten im Klavier,
Klangembryonen reifen in der Stille -
genau so, wie alle Farben spielen-
im Weiß ...

Ich weiß:

Die Wunder vom Papier
verwandeln sich in Leben:
'Blöde Kuh', schreibt eine blöde Frau in die Zeitung,
'entflogen, und gestohlen meine Schuhe,
zwei Paar, ganz neu'

Oh, arme Kuh - verzeih uns:
Du wolltest einen Engel kennenlernen,
du wolltest doch ein Engel endlich werden -
wie jedes Fleisch in unsrer Metzgerei.

Schicksal ist ein Zufall,
ein Gotto-Lotto-Müll,
ich spüre jetzt die Bibel wiederkommen,
nicht metaphorisch - sondern: Fünfte Zeit,
um Miete zu verlangen:

Erden-Schoß-
das Licht der Zweifel-
Heizung in der Hölle?

Es scheint?

Es schneit ...

Es klingelt und es blitzt!

ZU EINER LESUNG

mein sohn telefoniert mit seiner freundin

er wählt die nummer und hört zu:

- hier spricht der anrufbeantworter

- danke, hier auch ...

ist das heutige poesie?

ja, leider ...

НОВАЯ ЛИРИКА - КРИК УТОПАЮЩЕГО ИЛИ КОМПЬЮТЕР? (письма о стихах)

... Как мало нужно сегодня, чтобы числиться в поэтах: несколько связных (ещё “поэтичней” - бессвязных ...) строчек, записанных в столбик без знаков препинания - и стихотворение готово ... Экспресс-импрессионизм, скоростной вагон впечатлений, оторванный от поезда ... Куда же вас (нас!) несёт, господа? Не слишком ли вы (мы) упростили задачу литературы: от великой Любви до торопливого полового акта ... Где, извините за выражение, трепет, где многозначность и светимость каждого слова, его подкожная выстраданность? Там же, где заглавные буквы - упразднено ... Нам катастрофически (в поэзии и строфически) некогда. Или для современного поэта важно только, чтобы его услышали: как утопающего ...

Здесь, в безвыходном водовороте ново-европейского (относительно нового ...) стихосложения часто вспоминаются сентенции петербургского Александра Кушнера: русская поэзия значительно моложе европейской, она ещё не устала от рифмы... Так он пытался заслониться от натиска верлибра, защитить нежный фитилёк почти религиозной свечи от всемирного сковозняка наконец-то всепроникающей цивилизации ... Но к сожалению для искусства цивилизация всегда означает и определённую идентификацию. Причём, прогресс всегда агрессивен и весьма относителен. Не зря же было сказано, что раньше гусиным пером записывали вечные мысли, а теперь вечным пером - гусиные...

Сегодня (в который уж раз ...) Душа противится прогрессу, подозревая, и не безосновательно, автоматизацию всех процессов, в том числе и таких интимных как поэтическое творчество.

Однако тщетны попытки заслониться листочком бумаги от железных ударов. И, может быть, к счастью всё для той же души, которая за двадцать веков только после Христа слишком уж комфортабельно утвердилась в своём бессмертии. И - соответственно - обленилась: зачем искать новые пути к

Спасению, если гарантирован один, верный, исторически сложившийся?

Итак, столкнулись бездумными лбами две лени: традиционная и автоматическая, справедливо наказанные за упрямство как два небезызвестных барана из русской сказки, встретившиеся на узеньком мостике... Река же, в которую падают литературные произведения, именуется Летой ...

Традиционная русская лирика виновата прежде всего в своей тоталитарности. Она господствовала и развращала сознание не только социалистическим примитивизмом здравого смысла, но и кажущейся простотой стихосложения. С нами боролись даже классикой, говоря, что мы не понятны и стало быть, - не нужны ...

И мы, естественно, противостояли не только откровенной идеологической спекуляции, но и традиции как таковой. Противостояли своей неровностью, нервностью, вызывающей демократичностью поведения, суждений и самого словаря. (Разногласия с советской властью были не только политическими, но и стилистическими ...).

Но демократизация общества всегда, увы, оборачивается его вульгаризацией. Так было всегда и в истории человечества, и, соответственно, в истории искусства. Вульгарность против и - наконец - вместо тривиальности. Сомнительная, варварская победа... Победа варваров ... Достаточно вспомнить французскую революцию - и параллельный переворот в искусстве, или ещё ближе: начало века в Росси и в Германии...

Поэзия - белая королевская лилия, вдавленная солдатскими сапогами в асфальт? Или - прежде - мраморная античная галерея, превращённая в отхожее место? Или - позже - сожжённая дворянская, барская библиотека? Тут-то испуганная душа и спохватывается, и вздрагивает, и вопиёт: назад, к Древнему Риму, к высокому Мифу, во глубину своего сгоряча оплёванного опыта ... И опять совершает ностальгическую ошибку: ибо подлинное искусство не оглядывается назад, а

заглядывает вперёд ... Искусство с большой, упразднённой в современном стихосложении, буквы

Ни за полжизни в горемычной России, ни за полгода в почти равновеликой по историческим потрясениям Германии не изменилось ни на одну букву моё субъективное отношение к сущности искусства и поэзии: только откровенный индивидуализм творца - спаситель от всех „измов“! (Ибо любой победивший “изм“ превращается в массовую инфекцию). Поэзия же - прекрасная болезнь Души, - хочется надеяться-неизлечимая... Именно так: аристократический индивидуализм, лелеющий каждое наболевшее (саднящее) слово, высокомерный как высшая мера по отношению к самому себе ...

Нет, я не нашла такого поэта в Германии, поэта-себе ... Хотя перелистала уже немало поэтических сборников. Похоже, что кризис, начавшийся здесь раньше, чем в нашем искусстве - что исторически закономерно - продолжается в направлении тупика ...

Правда, справедливости ради, должна признаться, что, хотя мгновенно УЗНАЮ (то есть, почувствую) такого поэта, как узнала не цветаевского, а немецкого Рильке прекрасного, но более старомодного в подлиннике, чем в переводе, я не пойму ещё всех подтекстов и не передам их глубины. Мой немецкий ещё не достаточно богат и оттого достаточно прямолинеен. Впрочем, и современная поэзия, кажется мне, тоже прямолинейна. Всё в ней, даже в лучших её проявлениях, не обозначается мучительным полунамёком а НАЗЫВАЕТСЯ. Мысль прищипливается как бабочка к гербарии - и мгновенно мертва. Может быть, сам немецкий язык как зеркало определённой ментальности тяготеет к известному рационализму? Философия, психология, проза: раз и навсегда выраженная мысль, а не светящееся колебание ощущений более подвластны этой готической грамматике и металлической фонетике? Действительно, в немецком незначительна роль прилагательных, без которой русской лирики просто нет, зато одно робкое движение часто обозначают три весомых глагола...

Впрочем, пока всё это наблюдения дилетанта в стране „Лингвистика“. Сколько больших немецких писателей - столько немецких языков, как и русских, как и всех прочих ... Башня усреднённого языка существует только для средних писателей (и читателей, и собеседников) и оттого скушна тем, кто выше её. А выше - художник слова... И, наконец, парадоксальная закономерность: чем выше выше уровень благосостояния общества, тем меньше голод по искусству ... Я не имею в виду, что поэт иногда берёт на себя функции народного депутата, как это было в тоталитарной России, большому искусству это тоже противопоказано: лирика - не статья в рифму. Поэзия прежде всего ПРЕКРАСНА. Если же о женщине хочется сказать: „Господи, как уродлива, а надо же, чёрт возьми, как умна!“ - то это весьма сомнительный комплимент... Современная лирика, его, к сожалению, заслуживает. И не обернётся ли когда-нибудь диктатура телевизоров восстанием новых „луддитов“, машинным бунтом? - примерно так: вперёд к лучине, к живому почерку без компьютеров, к огню, высеченному из камня?...

Середина скушна, а крайности не так опасны, как это иногда кажется: ГОЛАЯ Россия (старая) и ОБНАЖЁННАЯ Греция (древняя) были в равной степени подвержены искусству и освящены им. Бесплоднее всего именно середина: русские обыватели и немецкие бюргеры. (всё же, что слишком, - по немецки есть замечательная частица *zu* - *zu* нищета и *zu* роскошь - не противоречит искусству...) Я понимаю, что без добропорядочных бюргеров земля давно превратилась бы в сумашедший дом, где, как в известной пьесе Дюрремата, в каждой комнате - по Эйнштейну ... Но именно относительное благополучие Германии сообщает, как мне кажется, духовную нищету её современной поэзии. И не это ли ждёт завтрашнюю Россию?...

1993

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

- 1977 День поэзии. Альманах. Ленинград. Изд-во „Советский писатель“ 1 (одно! стихотворение).
Молодой Ленинград. Альманах Ленинград Изд-во „Советский писатель“ 2 (два стихотворения).
- 1978 Стрелец. Журнал русской культуры. Мюнхен. Стихотворения
В эти же и последующие годы ряд заметных публикаций в журналах самиздата, таких как “Северная почта”, “Часы”, “Митин журнал”.
- 1985 КРУГ. Литературно-художественный сборник альтернативной культуры. Ленинград. Изд-во „Советский писатель“. Подборка стихотворений.
В следующем году около 20 рецензий на этот сборник в периодической печати Москвы и Ленинграда. Все рецензии носят полемический характер. (Например, - „Спасательный круг! “ - газета „Московский рабочий“, “Удобнее в тени? ...” - газета “Вечерний Ленинград”)
- 1987 ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ СНЕГ. Первая книга стихов. Ленинград. Изд-во “Советский писатель”
- 1989 Октябрь. Литературно-художественный журнал. №12. Москва. Подборка стихотворений.
Шаг навстречу. Журнал. №1. Ленинград.
Нева. Литературно-художественный журнал. №6. Подборка стихотворений.
Молодой Ленинград. Альманах Ленинград Изд-во „Советский писатель“. Подборка стихотворений

- 1990 Литератор. Независимая газета ленинградских писателей.
 Апрельский выпуск. „Шампанское под лестницей“.
 Рецензия.
 Мартовский выпуск. Подборка стихотворений.
 Июньский выпуск. Рецензия на книжку, которая так и не вышла.
- Октябрьский выпуск. Открытое Письмо о необходимости восстановления власти в Нагорном Карабахе.
 Ноябрьский выпуск. Подборка стихотворений и полемические заметки „Вышли мы все из Сайгона„
- Советское фото. Журнал. Москва. „Из семейного альбома„ (Эссе, посвящённое фотохудожнику А. Кузнецову)
- 1991 Октябрь. Литературно-художественный журнал. Москва. Цикл стихов.
- Литератор. Независимая газета ленинградских писателей.
 Январский выпуск. „Приглашение к танцу на рояле„.
 Интервью
 Февральский выпуск. „Здесь тебе не филармония ...„ (Записки сумасшедшего)
- Мартовский выпуск. „Пунктирная дружба„.
 Воспоминания
- Майский выпуск. „Здравствуй моя “Топка“, - и прощай...“ Прощание с самиздатом.
- Июньский выпуск. “Был к дощечке привязан прут...“ Литературный некролог.
- Июльский выпуск. “Построят ли предприниматели храм?“. Эссе и интервью.
- Петербургские Чтения. №1. Журнал. Подборка стихов.

Альманах - 91. Клуб русских писателей. Нью-Йорк.
Подборка стихотворений.

Литератор. Независимая газета ленинградских
писателей.

Июньский выпуск. Новые стихи (цикл)

Час пик. Независимая газета ленинградских
журналистов. Январский выпуск. "Записки из
котельной". Литературная страница, посвящённая
творчеству О.Б.

Смена. Газета. Ленинград. Декабрь. "Есть обычай на
Руси ночью слушать Би-Би-Си". Рассказ о поездке в
Лондон и участии в радиопередачах.

Невское время. Газета Ленсовета. Ноябрь. Цикл
новых стихов.

1992 Литератор. Независимая газета ленинградских
писателей.
Мартовский выпуск. "С визой в руке". Страница,
посвящённая отезду поэта в Германию. Новые стихи.

Апрельский выпуск. "Привет от Черубины или
мистификация по-советски". История книжки,
выпущенной под псевдонимом

Смена. Газета. Ленинград. Февраль. "Рождество.
Взошла звезда поэзии...". Рецензия на первую
книжку П. Барсковой

Смена. Газета. Ленинград. Январь. Книга в газете.
(Поздние петербуржцы)

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ. Книга стихов, написанных в
школьные годы. Под псевдонимом "С.Б.". Ленинград.
Издательство "Лениздат"

Литератор. Независимая газета ленинградских
писателей.

Августовский выпуск. "Так сказать, отпускная

тетрадь“. Цикл новых стихов и Открытое письмо о неподчинении организаторам путча.

- 1993 Петербургские Чтения. №2. Альманах. “Сегодня памяти вчера“. Проза.

Нева №10. Литературно-художественный журнал. Ленинград. “Волки и кролики“. Литературно-художественное эссе.

Звезда. №7. Литературно-художественный журнал. Ленинград. Подборка стихов.

Альманах - 93. Клуб русских писателей. Нью-Йорк. Подборка стихов.

Большие циклы стихов опубликованы в 1989-1991 гг. в журнале “Континент“ (Paris) и “Грани“ (Frankfurt).

В 1993-1995 гг. более 40 эссе прозвучали на волнах “Радио Свобода“ (Radio Liberty, Мюнхен), а также были опубликованы в газетах “Час пик“ (Санкт-Петербург), “Новое русское слово“ (New York), “Европацентр“ (Berlin).

- 1994 Октябрь, №7. Литературно-художественный журнал.

Москва. Письма о стихах. Искусство перевода. Эссе. Переводы из современной немецкой поэзии

20-th Century Russian Poetry. Edited by Aibert G. Todd, New York.

- 1995 ПОЗДНИЕ ПЕТЕРЖБУРЖЦЫ. Антология. Санкт-Петербург. Издательство “Европейский дом“. Венок сонетов “Мои современники“. “Пучок сонетов не-любви ...“

Альманах - 95. Клуб русских писателей. Нью-Йорк. Подборка стихов.

Нева. Литературно-художественный журнал.
Санкт-Петербург. №4. "Стансы в октябре". Отрывки
из поэмы. №7 "Мёртвые души - бессмертный
сюжет". 2 эссе. Воспоминания о С. Довлатове.

ИТОГИ ВЕКА. СТРОФЫ ВЕКА. Антология русской
поэзии. (Составитель Евгений Евтушенко). Москва.
Изд-во Полифакс. Развёрнутый цикл стихов.

1996 ПОДЗЕМНЫЕ ЦВЕТЫ. Третья книга стихов. Санкт-
Петербург. Изд-во Terra Fantastica.

Публикации последних лет в Германии на немецком языке.

Russische Lürikerin des XX Jahrhunderts

Antologie. Fischerverlag. 1993. (1 Gedichte).

Almanach Schriftstellerhaus. Band III. 1993. Tübingen

Silberburgverlag. Gedichte.

„Grüne Zettel“ Zeitung. 1994. Stuttgart. Rathaus. Gedichte.

Grenzenlos. 1994. Stuttgart. VHS. Gedichte.

Torso. Zeitschrift. 1995. Berlin/München. Gedichte.

Библиографический список подготовлен С. Бурченковой,
литературным секретарём О. Бешенковской. Список построен в
хронологическом порядке, показывающем рост популярности
писателя после 1985 года. Традиционные для библиографии
сокращения слов практически отсутствуют, чтобы не
затруднять работу славистам в условиях часто меняющихся
вывесок ---

Санкт-Петербург. 1996.

Olga Beschenkovskaja

Olga Beschenkovskaja wurde 1947 in Leningrad, dem heutigen St.Petersburg, geboren. Sie absolvierte 4 Jahre ein Studium der Journalistik an der Universität.

Nach zehnjähriger Tätigkeit als Journalistin wurde sie auf Weisung des KGB entlassen. Sie ist Mitglied des Schriftstellerverbandes St.Petersburg, Mitglied des Journalistenverbandes Rußland und Ehrenmitglied des russischen Schriftsteller-Clubs in New York.

Veröffentlichungen von ihr erschienen in Emigrantenzeitschriften in Paris, New York und Frankfurt. Seit 1987 ist sie in den großen, demokratischen Zeitungen und Almanachen von St.Petersburg und Moskau und mit Sendungen in Rundfunk und Fernsehen, z.B. bei BBC/London, präsent. Sie ist Herausgeberin von zwei kleinen Lyriksammlungen 1987 und 1992 in St.Petersburg.

Seit 1992 lebt sie in Deutschland.

Seit 1993 eigenverantwortliche Ausführende (von einigen wenigen Schriftstellern der Welt) des literarischen Programmes bei Radio Liberty.

Lyriklesungen und Podiumsdiskussionen an den Universitäten Tübingen, Bremen, München und an der Columbian University in New York, bei der West-Ost-Gesellschaft in Köln und beim Europäischen Tolstoi-Fonds in München.

Seit 1993 erste Gedichte in deutscher Sprache. Lyriklesungen in Stuttgart, München, Düsseldorf und Eßlingen.

Ihre Lyrik ist enthalten in russischen, amerikanischen und deutschen Anthologien.

Lebt unterwegs, existiert in Stuttgart und St.Petersburg.